

ОСМИСЛЕННЯ ТА ПЕРЕОСМИСЛЕННЯ ЯК УМОВИ ЕФЕКТИВНОСТІ РОЗУМІННЯ ТВОРЧИХ ЗАДАЧ

Розглядаються особливості смислоутворення в процесі розуміння творчих задач. Механізм смислоутворення аналізується через осмислення та переосмислення інформації, яку містить творча задача.

Процеси смислоутворення відіграють важливу роль в процесі розв'язання творчих задач. Творча задача, за допомогою якої можна моделювати творчу діяльність, повинна бути багатосмисловою, а також мати приховану проблемність. У деяких випадках вона передбачає кілька варіантів розв'язання і один з них — шаблонний, стереотипний, за допомогою відповідного алгоритму; інший — нешаблонний, творчий, який з'являється внаслідок розуміння суб'єктом прихованого смислу задачі. Смысл задачі — це цілісна модель проблемної ситуації, описаної в задачі, яка виникає у суб'єкта як результат її розуміння. Він є передумовою відбору та використання знань для розв'язання задачі і створення схеми виконання операцій. Прихований смысл творчої задачі — це стисла схема задачі, яку суб'єкт не може безпосередньо осягнути, користуючись стереотипними способами аналізу інформації.

У цілому процес розуміння можна уявити як розв'язання цілісної задачі розуміння. Суб'єкт ставить перед собою задачу зрозуміти певний предмет чи об'єкт і розв'язує її. Якщо поділити весь процес розв'язання задачі на етапи, то кожен з них є, в свою чергу, підзадачею, складовою частиною єдиного процесу розуміння; а також має свою специфіку, певну тривалість у часі.

Розуміння не обмежується першим етапом, тому що досягти зразу повного і глибокого розуміння творчої задачі, як правило, не вдається. Результатом цього етапу здебільшого є здобуття суб'єктом впевненості в тому, що задача йому зрозуміла. Це відчуття "суб'єктивної зрозумілості" не може бути надійним критерієм розуміння, оскільки не завжди смысл, який вдається виділити на даному етапі, є надійною основою для формування гіпотези розв'язання.

Повне і глибоке розуміння задачі не досягається, як правило, після завершення першого етапу — етапу власне розуміння. Тому доцільно простежити динаміку смислоутворення в ході розв'язання задачі загалом. На першому етапі мета полягала у виділенні смислу задачі як необхідної умови переходу до наступного етапу розв'язання — формування гіпотези.

При першому читанні задачі у суб'єкта виникає установка, пов'язана з прогнозом наступного змісту задачі і пов'язаного з ним

способом розв'язання. Така установка на розв'язування задачі з невідомим за допомогою позначення його через "х" виникала у переважній більшості піддослідних тоді, коли їм пропонувалося розв'язати задачу з невідомим. Ця установка неусвідомлено впливає на вибір того чи іншого способу розв'язання задачі. Установка залежить від тієї чи іншої будови текстових засобів; текст визначає процес його розуміння [2]. Але, віддаючи належне об'єктивним чинникам розуміння, не слід зводити причини виникнення установки щодо розуміння та вибір певного способу розв'язання лише до зовнішнього оформлення задачі, особливостей її текстового подання.

При першому читанні текста задачі схоплюються як суттєві і співвідносяться між собою тільки за припущенням значущі елементи. Вся діяльність піддослідного спрямована на виявлення головного, того, що може скласти підґрунтя гіпотези.

Виділення смислу (ми будемо називати його первинним на відміну від кінцевого) здійснювалося як переформулювання умови задачі, і навіть "як перетворення тексту її умови в кінцеву відповідь. Це перетворення може відбуватися за допомогою різних за типом операційних та предметних засобів. До предметних засобів належать фрагменти тексту умови задачі, часткові уявлення, інтенції, моделі, конкретні знання; до операційних – схеми дій, окремі операції та формулювання результатів пошуку" [3, с.64]. Остаточне розв'язання "опосередковується низкою проміжних переформулювань задачі", а останнє – "деякими евристичними процесами" [6, с.167].

У ході переформулювання умови відбувається порівняння нової інформації з наявними у суб'єкта еталонами (моделями) [5]. Останні входять як складові частини суб'єктивної системи смислів особистості. У результаті переформулювання задачі може бути скорочена її умова до найбільш суттєвих моментів, виготовлена схема, рисунок, креслення або побудований образ предмета чи ситуації, які конкретизують умову задачі з тим, щоб вона стала більш зрозумілою для суб'єкта.

Переформулювання умови задачі здійснюється шляхом уточнення даних, коли суб'єкт повторює деякі частини умови, ставить уточнюючі запитання і, одержавши відповідь, пропонує своє формулювання, яке і є результатом осмислення даних. Окремо може здійснюватися осмислення вимог задачі тощо.

Розуміння як переформулювання умови включає в себе дві стадії: розуміння того, що дано, і того, що необхідно знайти. Це можна простежити, зокрема, при розв'язанні задач, умови яких не побудовані чітко за схемою: "дано...- знайти...". Щоб зробити висновок про можливість розв'язання задачі, необхідно співставити дві складові:

те, що дано, і те, що треба знайти. Саме така оцінка з позицій можливостей розв'язання задачі і здійснюється суб'єктом на першому етапі.

Розуміння даних задачі та її вимог зливається в один процес при формуванні її смислу, який не завжди на цьому етапі адекватно відображає зміст задачі. Від того, який первинний смисл сформувався у суб'єкта, залежить успішність його подальших дій при розв'язанні задачі. У тому випадку, коли вона має кілька варіантів розв'язання, від первинного смислу залежить вибір певного варіанту розв'язання – шаблонного чи творчого.

Таким чином, на етапі власне розуміння суб'єкт розв'язує задачу формування первинного смислу задачі шляхом переформулювання її умови відповідно до суб'єктивної системи смислів. Наявність первинного смислу в нього є передумовою переходу до другого етапу розв'язання задачі – формування гіпотези.

На цьому етапі здійснюється реалізація первинного смислу для розв'язання задачі. Гіпотеза формується відповідно до первинного смислу. Здавалося б, цей етап ґрунтується на результатах попереднього і не впливає на динаміку розуміння. Але в ході формування гіпотези, коли всі дані мають бути вже осмисленими, суб'єкт неодноразово повертається до умови задачі і ще раз переосмислює її.

Первинний смисл може уточнюватися, відшліфовуватися, якщо суб'єкт "помічає" дані, які не були враховані при формуванні смислу. Більш того, первинний смисл може навіть зовсім відкидатися суб'єктом, якщо він помічає дані, які докорінно змінюють його уявлення про задачу, і, виходячи з цього, приходять до розуміння помилковості первинного смислу. Тому виникає потреба знову повернутися до першого етапу і сформулювати інший смисл, після чого можна переходити до формування гіпотези.

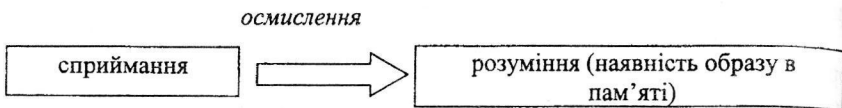
На етапі перевірки гіпотези робиться висновок відносно її правильності. Якщо вона відповідає умові задачі, суб'єктом формується кінцевий смисл задачі. Порівнюючи первинний і кінцевий смисли, він аналізує те, що зрозумів, і те, чого не помітив спочатку, з'ясовує, як змінився первинний смисл задачі.

Коли суб'єкт, розв'язуючи задачу, наштовхується на незрозумілі властивості останнього, незрозуміле для нього не означає невідоме. Незрозуміле – невідповідне якимось стабільним знанням, уявленням про норми, логіку функціонування механізмів і т.д., це частина, яка не вкладається в ціле, яким є система наших знань.

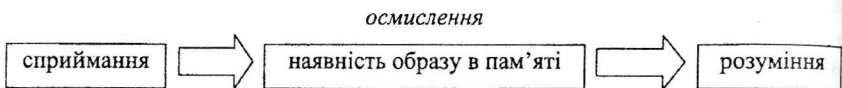
Як ціле може виступати і гіпотеза, яка виникла в процесі розв'язання і відображає властивості об'єкта розуміння. Але оскільки гіпотеза – менш стійке утворення, то частина, яка не вкладається в це ціле, може зруйнувати все ціле. Так відбувається зміна гіпотез.

Коли йдеться про творчі задачі, передбачається існування кількох варіантів їх розв'язання. Найчастіше для одержання правильного результату суб'єкту необхідно відпрацювати кілька помилкових варіантів. У цьому випадку перший варіант гіпотези розв'язання є помилковим, тому що ґрунтувався на помилковості первинного смислу.

Для опису процесу розуміння пропонуються різноманітні схеми, які відображають осмислення інформації. О.М.Копиленко [цит. по 7] вважає, що розуміння текстів здійснюється за схемою:

В.Г.Андросюк [1] піддає цю схему інверсії:

Процес смислоутворення, на нашу думку, виявляється на двох рівнях:

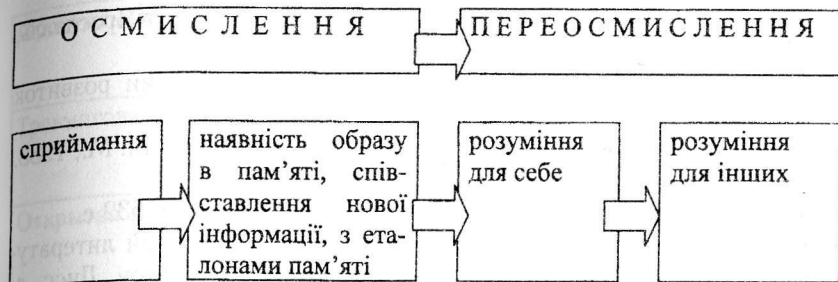
- 1) розуміння для себе (осмислення);
- 2) розуміння як результат роз'яснення (переосмислення).

У першому випадку йдеться про розуміння, яке характеризується виділенням поверхового смислу і є результатом осмислення. У другому випадку ми маємо справу з виявленням глибинних зв'язків між складовими елементами матеріалу, з формуванням на основі цього нових структур знань, що пов'язано з операціями переосмислення інформації. Такі процеси характеризують ситуації передачі знань від одного суб'єкта до іншого. Знання, що передаються, частіше всього є результатом переосмислення, а ті, що сприймаються — результатом осмислення.

В основі розуміння творчих задач лежать механізми переосмислення інформації. Переосмислення — це більш високий рівень виділення смислу, який виникає тоді, коли інформація була вже піддана суб'єктом первинному осмисленню. Виділення прихованого смислу творчої задачі вимагає саме такого рівня оперування інформацією.

Специфіка розуміння творчих задач полягає в наявності процесу переосмислення: для розуміння творчої задачі суб'єкт рухається від осмислення, тобто виділення смислу задачі з метою її розв'язання, до пошуку, виділення її прихованого смислу, який виникає як результат процесу переосмислення задачі. Таке переосмислення може виникати як у ході власне етапу розуміння, так і після її розв'язання.

Згідно з цим схема розуміння творчої задачі виглядає так:

Осмислення — це розуміння сутності значущості предметів загальною та їх окремих властивостей і співвіднесення їх з певними цілями діяльності.

Переосмислення — це зміна початкового смислу внаслідок виділення нових сторін та особливостей інформації. Переосмислення дає змогу в процесі розумово-практичної діяльності проаналізувати більшість ознак, що відображають зв'язки між елементами умови задачі, а також з іншими предметами та явищами.

Творчі задачі характеризуються як багатосмислові. Тому аналіз окремих складових елементів задачі, їх взаємозв'язку між собою, веде до ормування того чи іншого смислу задачі. Переосмислення передбачає більш високий рівень обробки інформації, розуміння її глибинних елементів та особливостей.

Переосмислення розкриває у предмета ті групи ознак, що є новими для даної ситуації, діяльності або новими для даної людини. Здійснюється переосмислення за допомогою функціонування мислительних стратегій. Результатом переосмислення може стати переформулювання наявної в суб'єкта системи смислів внаслідок надходження нової інформації, через призму якої переосмислюються існуючі у суб'єкта знання. Це сприяє створенню нової системи смислів.

Процес розуміння в ході розв'язання задачі можна уявити як процес осмислення та переосмислення умови задачі. На першому етапі суб'єкт розв'язує задачу переформулювання умови відповідно з суб'єктивною системою смислів з метою виділення первинного смислу. Задача двох інших етапів — уточнення смислу, його подальше шліфування та перевірка правильності через зіставлення первинного і кінцевого смислів.

Література:

1. Андросюк В.Г. Психологические особенности понимания научного текста. Дис. ... канд. психол. наук. К., 1980. 199 с.

2. Брудный А.А. Понимание и текст // Загадки человеческого понимания. М., 1991. С.114-128.
3. Корнилов Ю.К. Психологические проблемы понимания. Ярославль, 1979.80 с.
4. Костюк Г.С. Навчально-виховний процес і психічний розвиток особистості. К., 1989. С. 251-300.
5. Моляко В.А. Психология конструкторской деятельности. М., 1983. 134 с.
6. Психология мышления. Пер. с англ. И нем. М., 1965. 532 с.
7. Чепелева Н.В. Психология чтения учебной и научной литературы в системе профессиональной подготовки студентов. Дисс. д-ра психол. наук. К., 1992. 397 с.

Н.Е. Кондратенко, М.П. Карпенко

ТРАДИЦИОННЫЕ И ПРОБЛЕМНЫЕ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ

Показано схеми – характеристики пізнавальних моделей процесу навчання: фронтальна, тренінгова, відкрита трансформаційна, ситуаційна, комп'ютерна, віртуальна та інформаційно-когнетивна, а також їх зв'язок із засобами навчання і формами здобування знань.

Роль образования в процессе социализации личности очень велика, именно в сфере высшего образования формируется культура образованности общества. Достижения человеческого разума изменяют не только посттехнократическую картину мира, но и взгляды на образование, и предоставляют возможность построения новых познавательных моделей как основы обучающих концепций.

Напомним оригинальные модели многопланового, многопредметного образования от времен классической древности: Платон – “признаки пещеры”, Бэкон Ф. – “признаки познания”, Локк Дж. – “таблицы восприятия”, Лейбниц Г – “монадология”, Кант И. – “трансцендентальная философия”.

Традиционные познавательные модели (табл. 1,) в основном, основываются на когнитивных явлениях.

Последняя модель является соединительным звеном в цепочке дидактических компонентов информационно-содержательного аспекта образования: знание – умение – опыт. Именно эта модель показывает, как определить новые понятия через известные базовые; как выбрать утверждения, связывающие новые понятия. Она формирует концепцию: обучение – это усвоение, интерес, противопоставление, деконтекстуализация, взаимосвязь, прерывание, чередование.

Таблица 1

Фронтальная модель	передача предварительно накопленного запаса знаний "пассивному" слушателю через лекции иллюстративного характера
Тренинговая модель	отработка и закрепление условных рефлексов (навыков) путем программируемых упражнений
Открытая модель	обучение посредством конструирования по методике открытий через свободу самовыражения активного учащегося
Трансформационная модель	создание обучающей среды, объединяющей процессы понимания, обучения и мобилизации знаний: трансформация имеющихся понятий в новые понятные связи: усвоенное знание есть продолжение предшествующего.

выявление, мобилизация. Связь новых знаний с информацией уже имеющейся и мобилизованной позволяет постичь новые смысловые значения и выработать новые понятные связи, подготовить и отобрать новую существенную информацию.

Использование свойств внутренней организации человеческого мышления и памяти в форме смысловой нагрузки при освоении "понятийно-категориальной сетки" дисциплины нашло свое отражение в современных познавательных моделях процесса обучения, табл. 2.

Компьютерная модель определяет конкретную интерактивную обучающую среду, в которой учащийся взаимодействует с изучаемым объектом, сам его формирует, достраивает. В ней, и в двух последующих моделях дидактические возможности современных ПЭВМ оформлены в обучающих компьютерных программах с обратной связью (супертьюторах, комплеях) по различным учебным дисциплинам. Супертьюторы, сценарии создания которых предполагают компьютерный диалог, управляют деятельностью учащегося и контролируют качество усвоения учебного материала.

Виртуальную модель можно интерпретировать как общий информационный канал с обратной связью, который объединяет информационно-учебное, информационно-программное и информационно-техническое обеспечение посредством спутниковой системы. Многостороннее обучение согласно этой модели предполагает передачу видеоинформации в режиме реального времени и взаимный обмен информационными потоками в рамках единого познавательного процесса: осознание понимание конкретизация применение самоадап-

Ситуационная модель	ментальная репрезентация описываемой ситуации; извлечение информации из памяти; настройка на семантику и изменяющуюся структуру базовых понятий; многоступенчатый тренинг связей на всех уровнях знаний
Компьютерная модель	интерактивное управление усвоением знаний в компьютерной среде: индивидуализация и активизация учебного процесса; информационная совместимость
Виртуальная модель	передача информации в специализированной информационно-образовательной среде на любое расстояние от учебного заведения при полном соответствии вербальной и визуальной информации
Информационно-когнитивная модель	интенсификация эксплицитных (явных) и имплицитных (скрытых) типов обучения; совокупное воздействие внутренних условий и факторов (функциональное состояние человека, особенности личности, способности, потребности, интересы, установки, стереотипы эмоциональные и волевые образования), и внешних (состояние среды, социокультурная ситуация,...)

тация перенос идей. При этом автоматически решается задача совместимости информационных объектов, контроля и оценки знаний по дихотомическому принципу и адаптации средств обучения к индивидуальным уровням развития учащихся.

Компьютерная и виртуальная модель модели неявно (по умолчанию) используют педагогическую парадигму книжно-фронтального обучения, возвращая нас к индивидуально-контактной системе на новом уровне и с новым качеством (индивидуальный подход, вариативность, учет индивидуальных способностей, творческих потенциалов и личностных интересов учащихся).

Информационно-когнитивная модель является оригинальным обобщением предыдущих познавательных моделей (обучающих концепций). Модель рассматривает когнитивные явления в качестве научного обоснования дидактических средств процесса обучения.

Концептуальная схема содержит три равноправные системы управления процессами познания, каждая из которых решает свои задачи **а**, определяет формы получаемых знаний **б** и виды средств обучения **в**:

I^а – досознательное мышление – сенсорная система:
быстрое реагирование на стимулы внешней среды

а	б	в
выдача запросов на информацию, распознавания элементов, управление, опознание	прототипы прообразы схемы контексты	семанτικο-моторные методики

II^а – сознательное мышление – система сознания:
решение задач на рациональном уровне с использованием формально-логических и рефлексивных средств

а	б	в
генерация новых знаний, поиск способов удовлетворения потребностей, интенции формально-логические операции	формально-логические правила, нормы, стандарты	рефлексивно-инновационные задачи

III^а – предсознательное мышление – система подсознания:
регулирование процессов принятия решений на бессознательном уровне (удельный вес системы на порядок выше двух предыдущих)

а	б	в
- систематизация информации; - принятия решений; - выдача информации; - запись в долговременную память	итоговый результат когнитивного процесса	обучающие компьютерные программы с обратной связью

Модель выявляет, что интеллект (как рефлексивно-познавательная способность создания) использует незначительную часть оперативной памяти в ограниченный промежуток времени, а подсознание привлекает громадный потенциал долговременной памяти в значительно длительное время. Это позволяет ответить на вопрос, нужно ли в процесс обучения привлекать все без исключения познаватель-

ные ресурсы. Дидактическим следствием такого подхода есть ориентация на подсознательный когнитивный потенциал обучаемого при использовании развивающих активных методик обучения. Иными словами, знания, как владение информацией и итоговый познавательный результат, формулируются в большей мере на уровне подсознания. А если в качестве обучающих средств привлечь базовую основу компьютерно-виртуальной технологии — супертьюторы с обратной связью, то можно ожидать достижения высокой продуктивности процесса обучения.

Литература:

1. Жордан А. Новые модели процесса обучения /Перспективы — Париж, 1996, №1
2. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология — М, 1982.
3. Солсо Р.Л. Когнитивная психология: Пер. с англ. — М, 1996
4. Карпенко М.П. Об одной когнитивной модели и ее роли в процессе обучения //Журнал прикладной психологии. М., 1998, №1.

О.С. Костромицька

ПСИХОЛОГІЧНІ МЕХАНІЗМИ САМОПІЗНАННЯ

В статтє рассмотрєны механізми самопознання, показано их значєнє для наповнення содержанием самосознання на протяженні всєй жизни человека.

В умовах, коли в психології відбувається зміна пріоритетів, злам старих парадигм і пошук нової, орієнтованої на людину, її внутрішній світ, все чіткіше визначається погляд на людину як на суб'єкта власної життєдіяльності, що прагне до самотворення, самовдосконалення, саморегуляції. Тому спостерігається підвищення інтересу до проблем самосвідомості людини, її формування і розвитку, адже тільки завдяки самоусвідомленню і на його основі можливе становлення істинного суб'єкта, спроможного виділити себе із оточуючого і протиставити йому себе.

На думку І.І.Чеснокової, “самопізнання — початкова ланка і основа існування самосвідомості, через самопізнання людина приходить до певної системи знань про себе, ці знання входять у зміст самосвідомості як його серцевина” [6, 90]. Самопізнання як когнітивний компонент самосвідомості являє собою особливий вид пізнання, це опосередкований, активний процес формування системи знань про себе, який відбувається на різних рівнях, має певну структуру і здатність ускладнюватись, удосконалюватись в процесі розвитку особистості.

Якщо розглядати самопізнання як процес, можна вести мову про його механізми. В літературі психологічні механізми визначають як

“цілісний набір психічних станів і процесів, що реалізує рух до певного результату у відповідності до стандартної або часто повторюваної послідовності” [2,146], або ж як “структуру певним чином пов’язаних психічних дій, здійснення яких призводить до специфічного результату, це — більш або менш стійка схема психічних дій” [4,109]. Таким чином, під дією певних визначених впливів середовища “запускаються” у дію внутрішні психічні механізми, що забезпечують формування у особи системи знань про себе.

В пізнанні себе важливий момент “поштовху”, тобто виявленню того, що спонукає думку суб’єкта на своє Я. Адже, як вказує І.Д.Бех, в більшості ситуацій людина спрямовує свою увагу на оточуючий світ і лише у виключних випадках звертає її на саму себе [1]. Аналіз літератури з проблем самовідомості особистості показує, що дослідниками виділяються такі основні психологічні умови, за яких об’єктом мислення виступають компоненти образу Я: 1) ситуація, в якій людина сприймає певну інформацію про себе (Бех І.Д.); 2) коли власна риса є перешкодою для здійснення певної діяльності або гальмує її (В.В.Столін); 3) за умов наявності іншої людини, в результаті порівняння з якою відбувається самопізнання (О.О.Бодальов); 4) спрямованість свідомості на себе може бути переключена поточними емоційними станами (І.Д.Бех). Таким чином, основними факторами, що обумовлюють процес самопізнання виступають діяльність людини та різні форми її активності в предметному осягненні світу і спілкуванні. Саме в процесі спілкування і завдяки залученню людини у різні види діяльності вступають у дію механізми самопізнання.

Аналіз літератури показує, що існуючі точки зору щодо умов, в яких формуються механізми самопізнання групуються навколо таких основних положень:

1. Самопізнання може відбуватись у спілкуванні з іншими людьми, де:
 - ♦ людина взнає про себе, привласнюючи точки зору інших стосовно себе (Mead G., 1934, Shrauger J., Scoeneman T.,1979);
 - ♦ пізнання себе відбувається на основі пізнання нею інших людей, тобто самопізнання розглядається як особливий вид соціальної перцепції (О.О. Бодальов, Г.Я. Розен, Кроріус Н.В.).
2. Самопізнання ґрунтується на аналізі діяльності і її результатів, власної поведінки і умов, в яких вона здійснюється: теорія когнітивних детермінант емоційних станів (Shachers, 1966); теорія самосприйняття (Bem D., 1972); теорія когнітивного дисонансу (Festinger L.,1957); теорія самопрезентації (Boumeister R.,1982); теорії В.П.Трусова (1980) і В.В.Століна (1983).

Таким чином, механізми самопізнання можна умовно поділити на дві групи: 1) ті, які характерні для самопізнання, що відбувається в процесі спілкування у системі “Я-інший” (інтеріоризація, засвоєння оцінок інших людей, соціальне порівняння); 2) такі, що забезпечують пізнання себе у системі “Я-Я”, в процесі аутокомунікації, на основі аналізу власної поведінки, діяльності і її результатів (самоатрибуція, структурація і смислова організація змісту самосвідомості).

Самопізнання як специфічний вид пізнання неможливе без засвоєння цінностей, норм, способів пізнання і діяльності, що сформувались в культурі суспільства. Первинно культура не виступає для людини абстрактно, вона проявляється для неї в конкретному спілкуванні у вигляді зразків поведінки інших людей, їх прагнень, цінностей, відношень. В даному випадку джерелом знань людини про себе є інша людина, а умовами їх набуття є процес спілкування. Проте в процесі спілкування людина пізнає себе різними шляхами. Так, індивід може отримувати основні знання про себе шляхом перенесення оцінок і думок інших людей стосовно себе у свою Я-концепцію. Згідно з теоріями зеркального “Я” (концепції Кулі і Міда) уявлення людини про себе багато в чому залежить від того, як оцінюють її оточуючі, особливо, якщо це колективна або групова оцінка. На думку Д. Міда, вся система знань людини про себе — це перетворена і інтеріоризована точка зору інших з приводу суб'єкта.

Отже, в процесі безпосереднього спілкування відбувається перехід зовнішніх оцінок у внутрішній світ людини, формування здатностей сприйняття точок зору інших на себе, в результаті чого і формуються перші елементарні знання про себе. В цьому випадку змістовними одиницями, що засвоюються, може бути образ самого себе, який має ті чи інші риси, якості, здібності, а також норми, цінності, за якими людина приписує собі ту чи іншу властивість. Таке засвоєння може відбуватись, як доводять дослідження В.В.Століна, різними шляхами. По-перше, шляхом прямого чи непрямого навіювання, об'єктом якого, як правило, є риси, що являються найбільш цінними для батьків, а саме — цілеспрямованість, вольові якості, здатність до самоорганізації, дисциплінованість, моральні якості, інтереси, здібності (розум, пам'ять). По-друге, батьки і інші дорослі можуть впливати на формування “Я — образу”, не тільки транслуючи дитині свій власний образ, але й озброюючи дитину конкретними оцінками і стандартами виконання тих чи інших дій, частковими і більш загальними цілями, зразками, ідеалами, до яких необхідно прагнути. По-третє, управління формуванням знань про себе може здійснюватися шляхом залучення дитини у таку поведінку, яка змінює її образ “Я”. По-

четверте, шляхом залучення дитини у реальні взаємовідносини. В даному випадку мова йде про формування самоідентичності, тобто уявлень про те "хто я є". Велике значення тут відіграють конкретні особливості сімейної структури, від яких залежить формування "Я-Ми – ідентичностей" дитини [5].

Різні форми впливу на формування системи знань про себе не могли б бути ефективними, якщо б не існувало зустрічного процесу, за допомогою якого дитина сама б уподібнювала себе дорослим. Основний момент цього уподібнення пов'язаний з механізмом ідентифікації. В процесі розвитку самосвідомості дитини форми ідентифікації ускладнюються і трансформуються, стають усвідомленими і контрольованими. Але у будь-якій формі ідентифікація є важливим механізмом, що формує самосвідомість дитини. Ідентифікація робить людину здатною переймати точки зору батьків і інших людей, робить її сприйнятливою до впливів інших людей, здатною оцінювати себе за їх критеріями, розвивати самоідентичність і почуття "Ми", диференціювати себе від інших. [5, 63]. Так, З.Фрейд описав особливий вид ідентифікації, при якій Я особистості поповнюється за рахунок уподібнення іншій людині і приписування собі, її характеристик. В даному випадку ці риси і установки вбудовуються в структуру Я-образу людини в незмінному вигляді, без психічної переробки.

Важливим механізмом самопізнання, що відбувається у процесі спілкування є **соціальне порівняння**. Спілкуючись, людина пізнає інших людей, і, порівнюючи себе з ними, робить висновки про свої якості, здібності, психічні властивості. Дослідження О.О.Бодальова з соціальної перцепції стимулювали вивчення проблеми механізмів самопізнання як особливого виду соціальної перцепції, де основною є думка про те, що самопізнання відбувається на основі пізнання інших людей. Так, в багатьох дослідженнях доводиться генетично первинний вплив пізнання інших людей на самопізнання особистості, у зв'язку з чим виділяють низку закономірностей такого впливу, а саме: чим вищий рівень сформованості здібності людини до об'єктивного пізнання інших, тим адекватніші її знання про себе (Г.А.Ключніков, 1974, Л.Н.Десев, 1973, В.С.Магун, 1977); послідовність у пізнанні якості інших людей визначає послідовність пізнання особистістю власних особливостей (О.О.Бодальов, 1983, Т.В.Драгунова, 1961, С.В.Кондратьєва).

Проте механізми самопізнання в умовах спілкування на основі пізнання інших людей ускладнені, адже порівняння відбувається не прямо, а через еталон. На думку Комарової Т.К., людина визнає про себе, аналізуючи риси інших людей, створюючи "еталон", за яким оцінює наявність чи відсутність тих чи інших якостей у себе (3).

Еталон являє собою сукупність суб'єктивних уявлень про найбільш цінні якості особистості, свого роду міру в процесі пізнання суб'єктом інших і самого себе (О.О.Бодальов, 1983, Т.В.Комарова, 1987). Він формується в процесі взаємодії з іншими людьми, по мірі змін самого індивіда як особистості. Такі еталони, на думку Б.Г.Ананьєва і О.О.Бодальова, можуть персоніфікуватись шляхом виділення тих людей з кола спілкування, які є в очах індивіда носіями тієї чи іншої позитивної або негативної якості або групи якостей. Порівнюючи себе з іншою людиною, індивід звертає увагу саме на еталонні якості, носієм яких є інша людина. Таке порівняння себе з оточуючими людьми стає необхідною умовою пізнання своїх особливостей. На думку П.Р.Чамати, порівнюючи себе з іншими людьми, людина спочатку помічає певні якості в інших, а потім у себе, в результаті чого приходить до усвідомлення своїх вчинків і дій, їх мотивів і цілей, вчиться правильно оцінювати свої фізичні і розумові сили. В процесі розвитку, на основі збагачення досвіду пізнання оточуючих відбувається оновлення еталонних уявлень особистості.

Таким чином, потреба в самопізнанні реалізується передусім у процесі спілкування з іншими людьми, на основі їх пізнання. В результаті цього механізми самопізнання ускладнюються, поступово відбувається перехід самопізнання на інший рівень, у систему "Я-Я", де знання про себе формуються на основі аналізу власної поведінки і результатів діяльності. Тут вступає в дію механізм **самоатрибуції**, пов'язаний своїми засадами з радикальним біхевіоризмом Б.Ф.Скіннера і теорію самосприйняття Д.Бема, згідно якої індивід отримує інформацію про свої емоції, установки і переконання з трьох основних джерел: 1) із сприйняття своїх внутрішніх станів; 2) спостереження своєї відкритої поведінки; 3) обставин, в яких ця поведінка відбувається.

Чим слабкіші суперечливіші або незрозуміліші внутрішні сигнали, тим більше в своїх судженнях про себе людина спирається на факти зовнішньої поведінки і її умов, які вона спостерігає, тобто судить про себе за своїми вчинками. Тобто, згідно з Д.Бемом, люди не мають безпосередніх знань про себе, вони приходять до них через самоспостереження і оцінку власної діяльності. На думку А.Бандури, думки людини про себе можуть змінюватись тільки на основі аналізу результатів власної діяльності, тоді як думки інших людей в більшості випадках оцінки власних можливостей будуть менш ефективними.

Таким чином, в самосвідомості широко представлені висновки про внутрішні, диспозиційні властивості, що ґрунтуються на основі об'єктивних, поведінкових показників особливо при оцінці здібностей, компе-

тентності та інших якостей, про які людина дізнається, в основному, в ході виконання певної діяльності або на основі аналізу її результатів.

В ході виконання будь-якої діяльності перед суб'єктом постає задача, яка має бути вирішена. При її розв'язанні перед суб'єктом постає дві задачі: об'єктивно – орієнтована, що спрямована на пошук розв'язання задачі, і суб'єктивно – орієнтована, що спрямована на пізнання власних можливостей, знань, при розв'язанні якої відбувається самопізнання. Дослідженнями було доведено, що розв'язання пізнавальних задач стимулює самопізнання: рефлексуючи, людина пізнає себе як суб'єкт пізнавальної діяльності. (7)

Поступовий перехід від наповнення змістом самосвідомості у системі "Я – інший" у систему "Я – Я", в якій, відбувається "інтроспілкування" (за термінологією А.Н.Арличова) і абсолютизується момент переробки інформації, призводить до того, що набуті знання структуруються у "Я – образи" або "Я – концепції", виділяються різноманітні аспекти образу "Я". В процесі такого "інтроспілкування" ("аутокомунікації" за І.І.Чесноковою) людина одночасно виступає у ролі того, хто передає інформацію і одночасно у ролі того, хто її отримує, а також суб'єктом, здатним співвідносити різні блоки інформації між собою. На цьому рівні самопізнання важливого значення набуває рефлексія. Саме рефлексія, на думку Л.С.Виготського, дозволяє людині спостерігати себе з боку власних почуттів, внутрішньо диференціювати "Я" дійове, мисляче і оцінююче. Експериментальному дослідженню ролі рефлексії у самопізнанні присвячені роботи Н.І.Гуткіної, Е.Р.Новікової, І.Н.Семенова, С.Ю.Степанова, де рефлексія розуміється як механізм не тільки диференціації в кожному унікальному людському "Я" його різних підструктур, але й інтеграції "Я" в неповторну цілісність.

Проте значення механізмів наповнення самосвідомості змістом не втрачає свого значення протягом усього людського життя, адже самопізнання, як і будь-яка інша форма пізнання, не призводить до кінцевого абсолютного знання. Будь-який об'єкт пізнання, а людина в цій якості особливо, є невичерпною. Відносність знань про себе обумовлена постійними змінами у часі реальних умов життєдіяльності і самої людини. Тому і самопізнання як процес проявляється у безперервному русі від одного знання до іншого, до його уточнення і розширення.

Література:

1. Бех І.Д. Ядро особистості у фокусі виховання. // Психологія на перетині тисячоліть: Збірник наукових праць учасників П'ятих Костюківських читань: В 3 т.- К., 1998
2. Донцов Е.Л. Психологія манипуляції. – М., 1997

3. Комарова Г.К. Психологические особенности самопознания у старшеклассников. – М., 1987
4. Налчаджян А.А. Социально-психологическая адаптация личности. – Ереван, 1988
5. Столин В.В. Самосознание личности. – М., 1983
6. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. – М., 1977
7. Шарага Я.В. Активность самопознания при решении интеллектуальных задач старшим школьникам. – М., 1987

А.С. Кочарян, И.Л. Леванова

РОЛЬ ПОЛОРОЛЕВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ЛИЧНОСТИ В ПАТОГЕНЕЗЕ СЕКСУАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЫ

В статті надається аналіз статеворольових утворень особистості у патогенезі різних форм сексуальної дезадаптації подружньої пари. Виявлено ряд статеворольових механізмів: дисконплементарність, регрес, трансформація та ін.

В ряде исследований [3,4 и др.] показано, что полоролевые образования личности играют важную роль в личностном функционировании, а их нарушения predisponируют формированию неврозов, психосоматических расстройств и девиациям социального поведения. Роль полоролевых факторов в патогенезе сексуальных дезадаптаций супружеской пары изучена недостаточно и обсуждалась лишь в клиническом контексте [5]. Наша задача состояла в том, чтобы оценить, во-первых, выраженность маскулинности и фемининности, и, во-вторых, выявить полоролевою модель у мужчин и женщин в дисфункциональных парах с наличием сексуальной дезадаптации. Чисто процедурно обследуемые оценивали в 5-балльной шкале лайкертовского типа выраженность в себе качеств, представленных в маскулинной и фемининной субшкалах. В таблице 1. приведены данные об уровне выраженности маскулинной и фемининной Я-концепций у мужчин и женщин в дисфункциональных парах с наличием и отсутствием сексуальной дезадаптации.

Анализ приведенных в таблице 1 данных позволяет заключить, что различия показателей маскулинности и фемининности мужчин и женщин двух указанных групп статистически не значимы ($t=0,96; p>0,05$). Вместе с тем, при полоролевой форме сексуальной дезадаптации супружеской пары выявлена позитивная (в 80% наблюдений) корреляция показателей маскулинности мужа и жены. Это свидетельствует об отсутствии полоролевой комплементарности

Таблица 1
Выраженность маскулинной и фемининной Я-концепций супругов

Группы	Маскулинность		Фемининность	
	X	S	X	S
Дисфункциональные пары без сексуальной дезадаптации				
М	91,4	0,65	72,0	0,85
Ж	82,4	1,37	94,7	1,39
Дисфункциональные пары с сексуальной дезадаптацией				
М	93,4	0,59	73,1	0,76
Ж	82,7	0,67	89,6	0,67

Примечание: X – средние значения по группе; S – ошибка средней арифметической.

в супружеской паре. Кроме того, именно в супружеских парах с полоролевой формой сексуальной дезадаптации наблюдаются максимальные показатели маскулинности как у мужчин, так и у женщин (у мужчин $X = 98,4$, у женщин – $87,1$). По данным А.В. Heilbrun [7], на крайних полюсах континуумов маскулинность и фемининность коррелируют отрицательно, образуя альтернативно-континуальную полоролевую модель. В рамках этой модели актуальной является полоролевая комплементарность. Об этом писал еще О. Вейнингер [1], развивая в энциклопедическом плане континуально-альтернативную полоролевую модель. Таким образом, отсутствие полоролевой комплементарности супругов является одним из факторов формирования полоролевой формы сексуальной дезадаптации супружеской пары. Кроме того, у 66,7% мужчин и у 53,3% женщин образующих пары с полоролевой формой сексуальной дезадаптации обнаруживаются регрессивная альтернативно-континуальная и конъюктивно-континуальная структуры полоролевого симптомокомплекса. А.С. Кочарян [4] показал, что существует закономерная возрастная динамика полоролевой структуры. Причем, континуально-альтернативная и конъюктивно-континуальная модели в норме наблюдаются до 15-16 летнего возраста, которые затем сменяются андрогинной. При коммуникативной форме сексуальной дезадаптации эти незрелые полоролевые структуры обнаруживаются у мужчин в 20% наблюдений, у женщин – в 16%; при сексуальной аверсии: у мужчин – в 12,5% наблюдений, у женщин – в 25%; при сексуально-эротической форме: у мужчин – в 8,3% наблюдений, у женщин регрессивные формы полоролевой структуры вообще не отмечались. Таким образом, зна-

чимо чаще регрессия полоролевой структуры отмечается у супругов из супружеских пар с полоролевой формой сексуальной дезадаптации. При отсутствии сексуальной дезадаптации пары регрессивная полоролевая структура у мужчин отмечается в 14,8% наблюдений, у женщин – в 4,4%. Это означает, что изменение полоролевой структуры по регрессивному типу является патогномичным для полоролевой формы сексуальной дезадаптации. По данным А.С. Кочаряна [4] ACL-шкала А.В. Нейлбун чувствительна к социальному уровню маскулинности/фемининности, то есть она отражает полоролевую Я-концепцию индивида.

Для углубления представлений о роли нарушений полоролевой сферы в формировании различных форм сексуальной дезадаптации расстройства, нами использована полоролевая Dur-Moll шкала L. Szondi. Согласно данным А.С. Кочаряна [4], эта методика диагностирует маскулинность биогенного уровня. В таблице 2. приведены индексы маскулинности у мужчин и женщин всех вышеуказанных групп.

Как видно из таблицы 2., различия в уровне индексов биологической маскулинности мужчин из пар с различными формами сексуальной дезадаптации не значимы. Отсутствуют различия указанных показателей у мужчин из пар с наличием и с отсутствием сексуальной дезадаптации. Вместе с тем в группе с полоролевой формой дезадаптации стандартная ошибка средней арифметической индекса маскулинности высока, что свидетельствует о неоднородности группы по указанному показателю: выделяются две подгруппы – 1) мужчины с высокими показателями индекса маскулинности; 2) мужчины с низкими показателями индекса маскулинности. Причем, у мужчин с высокими показателями индекса маскулинности жены, как правило, также имеют высокие соответствующие показатели. Следовательно, механизм полоролевой некомплементарности является одним из патогенетических механизмов формирования полоролевой формы сексуальной дезадаптации.

Мы также рассчитали индекс маскулинности (X) и ошибку среднего (S) для контрольной выборки. Оказалось, что $X=52,4$; $S=2,2$.

Таблица 2
Индексы (в %) маскулинности по шкале Dur-Moll L. Szondi
мужчин и женщин

Группа	Коммуникат.		Аверсия		Полоролев.		Секс.-эротич.		Отсутствует	
	X	S	X	S	X	S	X	S	X	S
Мужчины	61,2	1,6	62,7	2,2	61,4	3,9	62,3	1,9	61,4	1,3
Женщины	46,2	1,1	46,2	1,2	45,2	2,6	46,4	2,2	39,6	1,7

Примечание: X – средние значения по группе; S – стандартная ошибка средней арифметической.

Сравнение этих показателей с вышеуказанными показывает, что мужчины из дисфункциональных пар (как при наличии, так и при отсутствии сексуальной дезадаптации) имеют значимо более высокие индексы биогенной маскулинности, чем мужчины из функциональных пар. Так, последние имеют значимо более низкие показатели, чем мужчины из пар с коммуникативной формой сексуальной дезадаптации ($t=3,24$; $p<0,01$), с аверсией ($t=3,61$; $p<0,01$), с полоролевой ($t=2,97$; $p<0,01$) и сексуально-эротической ($t=3,69$; $p<0,01$) формами сексуальной дезадаптации, а также мужчины из дисфункциональных пар ($t=3,82$; $p<0,01$). Интересно сравнить эти результаты с имеющимися литературными данными о роли маскулинности мужчин в супружеской адаптации. В частности, в исследовании R.J.Hafner и P.J.Minde [6] обнаружено, что удовлетворенность семьей коррелирует с самооценкой жен по шкале фемининности. В работе C.D.Peterson и соавт. [9] на значительной выборке (144 неблагополучных и 138 благополучных супружеских пар) показано, что фемининность связана с супружеской адаптированностью. А.С. Кочарян [4] показал, что маскулинность мужа положительно связана с его удовлетворенностью браком. Вместе с тем этот автор обнаружил, что в брачных отношениях заложена некоторая конфликтность, так как муж удовлетворен браком при высоких собственных показателях маскулинности, а жена в этом случае браком не удовлетворена. Маскулинный муж, адекватно вписываясь в маскулинную культуру, является инструментальным, но достаточно эмоционально холодным. Фактором, разрешающим это противоречие, являются фемининные идеал-образования мужа. Регулятивную роль фемининных образований у мужчин можно объяснить двояко: 1) фемининные качества мужчин делают их более внимательными, эмоциональными и теплыми по отношению к супруге; 2) "как только мужчина обнаруживает в себе внутреннюю женственность, он перестает требовать от находящейся рядом женщины, чтобы она жила только ради него" [2]. В литературе [8,10] имеются данные о том, что после 40 лет у мужчин происходит снижение уровня маскулинности, которое положительно связано с удовлетворенностью браком.

Таким образом, литературные данные относительно роли мужской маскулинности в удовлетворенности браком несколько противоречивы. Результаты наших исследований свидетельствуют о том, что высокая биогенная маскулинность мужчин предрасполагает к дисфункциональности супружеской пары. Механизмы полоролевой дискомплементарности и полоролевой регрессии участвуют в формировании лишь полоролевой формы сексуальной дезадаптации.

О роли механизмов регрессии (инфантилизма) в формировании различных форм сексуальной дезадаптации можно судить по наличию синдрома П. Пэна, представляющего собой синдром мужского инфантилизма. В таблице 3. приведена экспертная оценка выраженности первичных и вторичных симптомов синдрома П.Пэна у мужчин.

Синдром П. Пэна можно диагностировать при всех указанных формах сексуальных дезадаптаций. При коммуникативной форме сексуальной дезадаптации этот синдром встречается в 32% наблюдений; при аверсии – в 25%; при полоролевой форме – 53,3%; при сексуально-эротической форме сексуальной дезадаптации – в 25% наблюдений; при отсутствии сексуальной дезадаптации, но в присутствии фактора дисфункциональности – в 25,9% наблюдений. Частота встречаемости синдрома П. Пэна у мужчин из дисфункциональных пар при отсутствии сексуальной дисгармонии значимо не отличается от таковой частоты у мужчин из пар с коммуникативной ($\phi=0,49$; $p>0,05$), сексуально-эротической ($\phi=0,06$; $p>0,05$) формами сексуальной дезадаптации и сексуальной аверсией ($\phi=0,05$; $p>0,05$). Вместе с тем частота встречаемости синдрома П. Пэна у мужчин из пар с полоролевой формой сексуальной дезадаптации значимо выше, чем у мужчин из дисфункциональных пар без сексуальной дисгармонии ($\phi=1,74$; $p<0,05$). Таким образом, только полоролевая форма сексуальной дезадаптации связана с наиболее частым полоролевым сдвигом личности мужчин в форме синдрома П. Пэна.

У женщин из супружеских пар с полоролевой формой сексуальной дезадаптации наблюдается разброс показателей биогенной маскулинности, о чем свидетельствует большая величина стандартной ошибки средней арифметической. Как правило, в дисфункциональных парах с полоролевой формой сексуальной дезадаптации женщины с высокими показателями биогенной маскулинности имеют му-

Таблица 3
Выраженность отдельных симптомов синдрома П.Пэна у мужчин
(частота в %)

Группа	Синдром П.Пэна					
	безответственность	тревога	одиночество	полоролевой конфликт	нарцисизм	мужской шовинизм
Коммуникативная	56,0	44,0	72,0	32,0	32,0	40,0
Аверсия	62,5	50,0	75,0	37,5	25,0	37,5
Полоролевой	60,0	73,3	73,3	100,0	53,3	66,7
Сексуально-эротич.	62,5	37,5	75,0	25,0	25,0	37,5
Отсутствие	37,0	33,3	44,4	25,9	25,9	33,3

жей также с высокими аналогичными показателями. Это свидетельствует об актуальности патогенетического механизма полоролевой дискплементарности в формировании. Анализ выявил, что показатели биогенной маскулинности женщин из пар со всеми формами сексуальной дезадаптации выше, чем у женщин из дисфункциональных пар без сексуальной дезадаптации (показатель t колеблется от 3,26 до 3,54; $p < 0,01$). Таким образом, у женщин из пар с наличием сексуальной дезадаптации существует полоролевой дисбаланс между нормальной маскулинностью поверхностного социально психологического уровня (представления о себе, или Я-концепция) и повышенной глубинной маскулинностью. Этот дисбаланс определяет напряженность установления отношений власти в семье. Вместе с тем именно установление отношений власти является первичным и наиболее важным процессом в становлении семьи, определяющим качество супружеских отношений.

Литература:

1. Вейнингер О. Пол и характер.-М.: "ТЕРРА" - "TERRA", 1992.- 480 с.
2. Джонсон Р.А. Она. Глубинные аспекты женской психологии / Пер с англ. -Харьков, "Фолио", 1996; Москва, Институт общегуманитарных исследований, 1996.-124 с.
3. Исаев Д.Н., Каган В.Е. Психогигиена пола у детей. Л.: Медицина, 1986. - 336 с.
4. Кочарян А.С. Личность и половая роль.- Х.: "Основа", 1996.-127с.
5. Кришталь В.В., Григорян С.Р. Сексология. Том 4. Клиническая сексология женщин. -Харьков: Академия сексологических исследований, 1998.-176 с.
6. Hafner R.J., Minge P.J. Sex role stereotyping in women with agoraphobia and their husbands // Sex Roles.-1989. -20, No.11-12. - P. 705-711.
7. Heilbrun A.B. Human sex role behavior.- New York : Pergamon, 1981, - X, 207 p.
8. Jullan T., McKenry P.C. Relationship of testosterone to men's family functioning at mid-life: A research note // Aggress Behav.-1989.- 15, No.4.- P.281-289.
9. Peterson C.D., Baucom D.N., Elliott M.J., Farr A. The relationship between sex role identity and marital adjustment // Sex Roles.- 1989.-21, No.11-12.- P.775-787.
10. Todd J., Friedman A., Kariuki P.W. Women growing stronger with age: the effect of status in the United States and Kenya // Tätigkeitsber.Naturforsch Ges. Basell and.-1990.-No.36.- P. 566- 577.

НЕВРОЗ ОЖИДАНИЯ НЕУДАЧИ КАК ДИАГНОСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ КЛИНИЧЕСКОЙ СЕКСОЛОГИИ

“Невроз очікування невдачі” (НОН) – діагноз, що дуже часто ставлять чоловікам, які звертаються за сексологічною допомогою. Разом з тим існують два альтернативних уявлення про цю патологію. Згідно з першим з них, невроз очікування – самостійна форма неврозу, а згідно з другим – особливий вид неврозу нав’язливих станів (ННС). Під час спеціального обстеження хворих на НОН ми виділили 8 його типів. Критеріями для їх виділення були усвідомлення болісності тривожного очікування невдачі, його патогенного впливу, а також наявність боротьби з ним. В результаті проведеного аналізу зроблено висновок про те, що цей невроз є певним континуумом. На одному з його полюсів знаходяться форми, де відсутні ознаки, характерні для ННС в його традиційному розумінні (згідно з котрим нав’язливість обов’язково усвідомлюється), а на другому – варіанти, які виявляють ці ознаки повною мірою. Приведена характеристика кожного типу неврозу. Зроблено висновок про можливість існування нав’язливостей, що не усвідомлюються. Визнано недоцільним відносити пацієнтів сексологічного профілю з патологією, що розглядається, до різних класифікаційних рубрик. У всіх випадках, якої б точки зору не дотримувався лікар, рекомендовано ставити діагноз “невроз очікування невдачі”, який знайшов своє відображення в вітчизняних класифікаціях сексуальних розладів у чоловіків.

Как известно, в настоящее время невроз ожидания не выделяется в качестве самостоятельной нозологической единицы ни ведущими отечественными психиатрами, ни международной статистической классификацией болезней и проблем, связанных со здоровьем 10-го пересмотра [6]. Так, Г. К. Ушаков [8] отмечает, что в его наблюдениях симптомокомплекс тревожного ожидания неудачи со всеми типичными для него чертами возникал в клинической картине неврастении, у больных психастенией и у лиц с выраженными чертами тревожной мнительности. Он подчеркивает, что вполне обоснованно говорить о синдроме тревожного (боязливого) ожидания, который может быть представлен в клинике разных пограничных форм психической патологии. Б. Д. Карвасарский [4] указывает, что синдром тревожного ожидания обязательно входит в структуру большинства клинических картин неврозов с механизмами дезавтоматизации нейровегетативных и нейросоматических функций. А. М. Свядощ [7] хотя и использует диагноз “невроз ожида-

ния", все же отмечает, что основным, первичным при этом неврозе является тревожное опасение невозможности выполнения функции, вторичным — сама невозможность ее выполнения. Автор делает вывод, что правильное всего считать заболевание не самостоятельной формой невроза, а лишь особым видом невроза навязчивых состояний. Такая точка зрения находит отражение и в некоторых современных сексологических публикациях (А.Т. Канделаки [3]; А. И. Драновский [2]). Вместе с тем отношение к неврозу ожидания не всегда было таким. Так, Е. Кгаерелп, выделивший и описавший его в начале XX ст., В. П. Осипов (1931), В. И. Гиляровский (1954), А. М. Свядощ (1971) считали его отдельной нозологической единицей (цит. по А. М. Свядошу [7]).

Для того чтобы определить взаимоотношения невроза навязчивых состояний и невроза ожидания, целесообразно привести подробную характеристику психопатологического синдрома, являющегося стержневым при неврозе навязчивых состояний. В. М. Блейхер [1], давая оценку навязчивым мыслям, к которым относят и навязчивые опасения, подчеркивает, что, по определению В. П. Осипова (1923), они обладают такими же основными отличительными чертами, как и все другие навязчивости. Основные черты, присущие навязчивым мыслям, которые были выделены С. А. Сухановым (1912) и В. П. Осиповым (1923), следующие: 1) произвольность возникновения; 2) чуждость содержанию мышления; 3) невозможность управления волевым путем; 4) существование в теснейшей связи с эмоциональными нарушениями (депрессивные эмоции, чувство тревоги); 5) существование при ненарушенном логическом ходе мышления, продуктивность которого может уменьшаться, что подчас даже приводит к умственной нетрудоспособности больного; 6) осознание их болезненного характера и критическое к ним отношение. Вместе с тем, характеризуя навязчивости при неврозах, Б. Д. Карвасарский [4] отмечает, что их облигатные признаки (чуждость содержанию мышления, критическое к ним отношение и борьба с ними) являются относительно динамичными. У одного и того же больного в разные периоды времени они могут иметь различную степень выраженности, а иногда даже отсутствовать. Так, например, при острых приступах той или иной фобии пациенты могут считать испытываемую ими опасность на самом деле вполне реальной. Вместе с тем, и это нужно обязательно подчеркнуть, вне указанных приступов облигатность названных характеристик у больных неврозами никем не оспаривается. Кроме этого, когда говорят о навязчивостях при неврозах, то, несомненно, подразумевают их осознаваемый характер. Об этом, в частности, свидетельствует замечание, высказанное Н. К. Липгарт [5],

согласно которому восприятие навязчивых явлений как чуждых содержанию сознания и в то же время как его собственных, а не навязанных извне, создает у больного сознание болезненности этого явления.

Нами с целью осмысления диагностического понятия "невроз ожидания неудачи" (этот диагноз очень часто ставят мужчинам, обращающимся за сексологической помощью) был проведен специальный анализ, предполагающий дифференциацию наблюдений с указанной патологией. Критериями для такой дифференциации явились осознание пациентом болезненного характера тревожного ожидания неудачи (ТОН), его патогенного влияния, а также наличие борьбы с ним (совладание). Из 118 больных с синдромом тревожного ожидания сексуальной неудачи, у которых нами изучались изменения поведения, связанные с интимной близостью, были выбраны 42 чел. с названным неврозом. В ряде случаев у данных пациентов (13 набл.) также обнаруживалась фоновая дефицитарность нейрогуморальной составляющей, обусловленная задержкой или дисгармонией пубертата. У 4 больных был диагностирован хронический простатит, который по результатам клинического анализа в этих случаях не принимал участия в организации сексуальных расстройств, а у одного пациента — компенсированный вариант синдрома парацентральных долек. Все другие случаи, где невроз ожидания неудачи выступал в более сложной синдромальной констелляции, не брались в разработку, чтобы исключить из анализа трансформации поведения, сопряженные с интимной близостью, которые могли определяться другой патологией. Таким образом, речь шла о так называемой "очищенной" группе.

В результате клинико-психологического анализа указанных 42 случаев невроза ожидания неудачи было выделено восемь его типов. **Первый тип** (12 набл.; 29%) характеризуется тем, что пациенты не считают ТОН болезненным явлением. Некоторые просто никогда не задумывались об этом, а по мнению других, такое ожидание в сложившейся ситуации (существует сексуальное расстройство) вполне адекватно. Ни те, ни другие с ТОН не боролись. При **втором типе** (2 набл.; 5%) болезненность ТОН не осознается, однако используется совладание. Так, больной К., 50 лет, во время полового акта спустя несколько фрикций начинал опасаться исчезновения эрекции, что сочеталось с фиксацией внимания на члене. Никогда эти опасения болезненными не считал, однако несколько раз пробовал отвлечься (вспоминал о сексуальных контактах с женщиной, с которой у него все получалось хорошо), что давало некоторый положительный эффект: член хотя и делался менее напряженным, но эрекция ослаблялась медленнее. Для **третьего типа** (2 набл.; 5%) свойственно неопределенное мнение больных о

болезненности ТОН, а также возможности его влияния на сексуальные функции и общее состояние. Пациенты, у которых был диагностирован указанный тип невроза ожидания неудачи, совладания не применяли. **Четвертый тип** (1 набл.; 2%) также характеризуется неопределенным отношением к функции ТОН, тем не менее используется совладание. При **пятом типе** (1 набл.; 2%) существует лишь осознание негативного влияния ТОН на общее состояние, в то время как его патогенное влияние на сексуальные функции не предполагается. Какая-либо борьба с ТОН отсутствует. **Шестой тип** (1 набл.; 2%) также отличается осознанием болезненного характера ТОН и его патогенного влияния на общее состояние, однако в этом случае используется совладание. **Седьмой тип** (7 набл.; 17%) был представлен пациентами, которые осознавали болезненный характер ТОН и его неблагоприятное влияние на сексуальную сферу. Вместе с тем борьбы с тревожным ожиданием неудачи не отмечалось. Для **восьмого типа** (16 набл.; 38%) свойственно не только осознание болезненности ТОН и его негативного влияния на половые функции, но и борьба с ним. Так, у больного К., 33 лет, непосредственно перед интимной близостью возникали опасения, что может исчезнуть эрекция и произойти преждевременное семяизвержение. С этого же момента начинал контролировать напряжение члена по ощущению. Считал данные опасения болезненными и усматривал связь между ними и копулятивными нарушениями. Пытался отвлечься от них, однако это не удавалось. Перед коитусом и при его проведении в 60% случаев внушает себе, что все будет нормально. Это иногда помогает и половой акт протекает более качественно. Отмечает, что на более раннем этапе заболевания самовнушение помогало в большей степени.

Особенности и частота каждого типа невроза ожидания неудачи в представленной "очищенной" группе приведены в таблице.

Таким образом, в результате клинико-психологического анализа невроз ожидания неудачи предстал в виде некоего континуума, на одном полюсе которого находятся его варианты, где отсутствуют как осознание болезненности ТОН, так и борьба с ним, а на другом его формы, где выявляется и то, и другое.

Следует отметить, что нередко приходилось наблюдать динамику изучавшегося невроза. Первоначально обладая чертами первых типов, он с течением времени приобретал свойства последних. В других же случаях до момента обращения больных за медицинской помощью таких изменений не происходило. В ряде наблюдений осознание болезненного характера ТОН и его патогенного влияния на сексуальную сферу отмечалось с момента возникновения этого невроза.

Таблица
Характеристика различных типов невроза ожидания неудачи
у 42 больных "очищенной" группы

Тип невроза		1	2	3	4	5	6	7	8
Частота	абс. кол-во	12	2	2	1	1	1	7	16
	%	29	5	5	2	2	2	17	38
Отсутствие осознания болезненного характера ТОН и его патогенного влияния		+	+	-	-	-	-	-	-
Неопределенное мнение о возможном болезненном характере ТОН и его патогенном влиянии		-	-	+	+	-	-	-	-
Осознание болезненного характера ТОН и его влияния только на общее состояние		-	-	-	-	+	+	-	-
Осознание болезненного характера ТОН и его влияния на сексуальные функции		-	-	-	-	-	-	+	+
Совладание (борьба с ТОН)		-	+	-	+	-	+	-	+

Возвращаясь к вопросу о взаимоотношении невроза ожидания неудачи и невроза навязчивых состояний, мы видим, что среди части обследованных нами больных наблюдались основные признаки, характерные для последнего из названных неврозов, в то время как у других ни одного из этих признаков выявлено не было. Вместе с тем диагностировались и промежуточные, переходные типы, где отмечались лишь некоторые, свойственные неврозу навязчивых состояний, признаки. В целом же представленный нами континуум невроза ожидания неудачи как бы демонстрирует процесс постепенного накопления качеств, присущих неврозу навязчивых состояний.

Возникает вопрос, чем можно объяснить тот факт, что при наличии патогенного влияния тревожного ожидания неудачи на сексуальную сферу и общее состояние нередко отсутствуют такие признаки, как чуждость опасений неудачи содержанию мышления и критическое к ним отношение (постоянно, а не только в ключевой ситуации)? Одной из причин, объясняющей это, по нашему мнению, является специфика поведенческого акта, каковым является интимная близость. Так, если, например, абсурдность таких феноменов, как агорафобия и др. для больных совершенно очевидна, то ТОН может восприниматься в ряде случаев как естественная реакция на истинную или мнимую сексуальную несостоятельность. Этому также способствуют и такие варианты развития синдрома тревожного ожидания сексуальной неудачи, когда последний усугубляет течение поло-

вых расстройств, ранее обусловленных другой патологией, что тем более затрудняет ориентацию пациентов в собственном состоянии.

В соответствии с нашими наблюдениями отсутствие осознания болезненности тревожного ожидания неудачи и борьбы с ним еще не означает, что оно не носит навязчивый характер. Так, в ряде случаев такое осознание и появившееся желание избавиться от ТОН не приводило к ожидаемым результатам. Это позволяет сделать заключение, что навязчивость может быть и неосознаваемой.

Больной С., 29 лет, холост. Диагноз: невроз ожидания неудачи у личности с акцентуацией характера по тревожно-мнительному типу на фоне слабой половой конституции; гипозрексционный симптом. После возникновения ТОН в течение некоторого времени болезненным его не считал. Как-то в связи с беспокоившим его половым расстройством прочел статью в популярном журнале о том, что сексуальные нарушения часто бывают обусловлены мыслями о возможной неудаче. После этого наступило осознание болезненности ТОН и его неблагоприятного влияния на сексуальную сферу. С тех пор во время интимной близости стал бороться с такими мыслями: рассматривает предметы (окно, шкаф, дверь), а также расслабляет мышцы. Однако отогнать мысли о неудаче удается всего на несколько секунд, а затем они вновь возвращаются. Мышцы может расслабить незначительно, хотя ранее занимался АТ и добивался выраженной релаксации. Указанные меры несколько не улучшают эрекцию. Тем не менее применяет их почти постоянно.

Итак, мы в плотную подошли к решению вопроса о взаимоотношении невроза ожидания неудачи и невроза навязчивых состояний. Какая же из двух существующих точек зрения на этот счет верна? Является ли невроз ожидания неудачи самостоятельной нозологической формой или особым видом невроза навязчивых состояний? По нашему мнению, каждая из представленных точек зрения отчасти справедлива и имеет право на существование. Если сторонники первой из них могут в своей аргументации опираться на отсутствие у многих больных из указанной категории всех или части признаков, облигатных для невроза навязчивых состояний (в традиционном его понимании, не учитывающем возможность существования неосознаваемых навязчивостей), то сторонники второй с полным основанием могут приводить в пример те случаи, которые по своим характеристикам, безусловно, относятся к неврозу навязчивых состояний. Опираясь на наши исследования, последние также вправе ссылаться на возможность существования неосознаваемых навязчивостей, а также своеобразие проявлений невроза навязчивых состо-

яний в особих умовах, зв'язаних со специфікою такого поведінкового акта, як інтимна близькість. Тем не менше завжди стоїть питання про постановку діагнозу. На наш погляд, вря́д ли цілесообразно відносити пацієнтів сексологічного профіля з розглядаваною патологією до різних класифікаційних рубрик. Во всіх цих випадках, який би точки зору не приєднувався лікар, по-видимому, слід ставити діагноз невроз очікування невдачі, який наш відображення в офіційних класифікаціях сексуальних розладів у чоловіків.

Література:

1. Блейхер В. М. Розлади мислення. -Київ, 1983. - 192с.
2. Драновський А.І. Невроз очікування ерекції у сексологічних хворих // Соціально-психологічні і медичні аспекти шлюбу і сім'ї : Тез. докл. обл. наук.-практ. конф. сексологів. - Харків, 1987.- С.206-209.
3. Канделаки А.Т. Клінічні особливості реактивного поразки сексуальної сфери у чоловіків // Актуальні питання сексології: Тез. докл. 1-й Всесоюз. конф. сексологів. - М, 1986. - С.84-85.
4. Карвасарський Б.Д. Неврози. 2-е изд., перераб. і доп. -М: Медицина, 1990. - 576с.
5. Липгарт Н К. Нав'язливі стани при неврозах.- Київ: Здоров'я, 1978. - 78с.
6. Міжнародна статистична класифікація хвороб і проблем, зв'язаних зі здоров'ям. Десятий перегляд. Всесвітня організація охорони здоров'я. Женева. - М: Медицина, 1995.- Том 1 (частина 1). - 698с.
7. Свядощ А.М. Неврози. - М: Медицина, 1982. - 366с.
8. Ушаков Г.К. Граничні нервово-психічні розлади. 2-е изд., перераб. і доп. - М: Медицина, 1987. - 304с.

Г.С. Кочарян

ПОЛОВЫЕ РАССТРОЙСТВА У МУЖЧИН И ИЗМЕНЕНИЯ ИХ ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ИНТИМНОЙ БЛИЗОСТИ

Для вивчення змін поведінки чоловіків з сексуальними порушеннями, що мають місце під час інтимної близькості, нами було обстежено 118 хворих на сексуальні розлади різного походження та феноменології. Тільки пацієнти з тривожним очікуванням сексуальної невдачі включалися у цю групу. Сімдесят сім чоловік (64,4%) відзначили, що коли-

небудь за власною ініціативою використовували ті чи інші техніки психологічної саморегуляції (ТПСР), прямо чи посередньо (через ослаблення тривожного очікування невдачі) спрямовані на покращення сексуальних функцій. Аналіз усіх цих технік показав, що такі їх групи можна виділити: самонавіювання, переключення уваги, еротичну аутосенситизацію (являє собою посилення сприймання специфічних стимулів під час інтимної близькості завдяки зосередженню уваги пацієнта на приємних відчуттях, що ним зазнаються). Після детального розподілу усередині названих груп, була розроблена їх розгорнута класифікація. Феноменологія ТПСР часто залежить від того, яка функція порушена (ерекційна, чи еякуляторна). Різний ступінь результативності використовуваних прийомів часом має місце у 52,8% обстежених. Доцільність використання різних ТПСР обговорюється. Рекомендується у доповнення до загальноприйнятої терапії допомагати пацієнтам у виборі індивідуально-ефективних ТПСР.

Диагностируя сексуальное расстройство, врач, как правило, не в полной мере интересуется тем, что происходит с пациентом во время интимной близости, ограничиваясь лишь констатацией тех или иных сексопатологических симптомов. Поэтому вне поля зрения остаются психические усилия, предпринимаемые больными с целью улучшения половых функций. Результатом этого явилась неизученность изменений поведения во время интимной близости у пациентов сексологического профиля. Тем не менее подобные исследования важны, так как открывают доступ к психическим ресурсам, которые могут быть использованы. На это, в частности, указывают данные B.S. Reynolds [6], M. Zuckerman [8], D.Smith и R. Over [7], а также исследования других авторов (D.Laws, H. Rubin, 1969; D. Henson, H.Rubin, 1971; S.Herman, M. Prewett, 1974; H. Rubin, D. Henson, 1975; R. Rosen, D.Chapiro, G.Schwartz, 1975; E. Scillag, 1976), о которых сообщает R. Green [5], свидетельствующие о способности мужчин, используя искусственную психическую стимуляцию, предусмотренную условиями эксперимента, даже без какой-либо существенной предварительной подготовки, к определенному сознательному волевому контролю эрекции. Способность усиливать ее возрастала при тренинге с обеспечением биологической обратной связи. О возможностях психического влияния на сексуальные функции также свидетельствует тренинг по системе Дао [4] и опыт использования аутогенной тренировки для лечения сексуальных расстройств [1,2,3].

Для изучения изменений поведения у мужчин во время половых контактов, нами были предприняты специальные исследования сре-

ди 118 мужчин с различными сексуальными расстройствами. Только пациенты с тревожным ожиданием сексуальной неудачи включались в эту группу. Актуальность проведенной нами работы очевидна, так как она базировалась на изучении различных психических техник (направленных на улучшения сексуальных функций), которые использовались **больными в сексуальной ситуации по собственной инициативе и, таким образом, являлись их самостоятельными находками, представляющими собой различные образцы адаптивно-приспособительного поведения, связанного с половым расстройством.**

В результате указанных исследований получены следующие результаты. Те или иные приемы психической саморегуляции, направленные на улучшение половых функций, во время интимной близости использовало 76 пациентов ($64,4 \pm 4,4\%$). В некоторых наблюдениях указанные приемы были непосредственно направлены на борьбу с тревожным опасением неудачи. Это, в ряде случаев, могло опосредствованно приводить к улучшению упомянутых функций. В других наблюдениях отмечалось использование психологических техник, которые были прямо ориентированы на улучшение характеристик копулятивного цикла. Некоторые больные использовали как те, так и другие приемы. Редко отмечалось, что одни и те же техники выполняли двойную функцию.

Проведенный нами анализ всех этих приемов показал, что могут быть выделены следующие их группы: самовнушение, переключение внимания, эротическая аутосенситизация. После детальной разбивки этих приемов внутри названных групп, была разработана следующая их классификация.

- I. Самовнушение:** 1) направленное на самоуспокоение; 2) отрицающее опасения неудачи; 3) мотивированное или немотивированное самоубеждение в хорошем качестве полового акта; 4) самовнушение-установка на безразличное отношение к результату; 5) стимулирующее "обращение к половому члену"; 6) нацеленное на уменьшение восприятия эротических стимулов.
- II. Переключение внимания:** 1) с использованием стимулов текущего опыта, в том числе и искусственно создаваемых, включая различные вспомогательные средства; 2) с помощью планирования; 3) с использованием репродуцируемых и конструируемых сюжетов: а) связанных с имевшим место или воображаемым позитивным сексуальным опытом (с данной партнершей или с другими женщинами) б) связанных с мастурбацией; в) связанных с "приобщением" к чужому сексуальному опыту; г) связанных с несексуальными сюжетами (досуг, быт, производственная деятельность).

III. Эротическая аутосенситизация (представляет собой часто опосредованное самовнушением усиление восприятия специфических стимулов во время интимной близости, достигаемое благодаря сосредоточению внимания пациентов на испытываемых ими приятных ощущениях).

Самовнушение, направленное на самоуспокоение, могло выражаться, например, следующими формулами: "Не волнуйся..."; "Я нормальный мужчина...", а аутосуггестия отрицания опасений неудачи утверждением: "Я об этом думать не буду...". Мотивированное и немотивированное самоубеждение в хорошем качестве полового акта оперировало формулами: "Вот она женщина, к которой я стремился, которую я хотел, обнаженная, и все должно получиться хорошо..."; "Все будет хорошо..."; "Все будет нормально...". Самовнушение-установка на безразличное отношение к результату выражалось внутренне произносимыми фразами: "Получится или не получится мне все равно..."; "Ни о чем не следует беспокоиться... Не получится, и черт с ним, и даже если ничего не произойдет, то ничего страшного в этом не будет, плевать на все это...". Стимулирующее "обращение к половому члену" было направлено на нормализацию его эрекции и проявлялось в следующих произносимых про себя во время интимной близости высказываниях: "Ну почему ты не...?"; "Давай, давай!" или "Возбудись...". Также подчас имела место и аутосуггестия, направленная на уменьшение интенсивности восприятия эротических стимулов, преследующая цель отдалить наступление семяизвержения: "Мне не так приятно...".

Переключение внимания с использованием стимулов текущего опыта, в том числе и искусственно создаваемых, включая и различные вспомогательные средства, проявлялось разнообразными приемами. Так, один из обследованных нами больных считал про себя, другой говорил о чем-то с партнершей, третий смотрел в сторону на какую-то точку или на голову жены, а четвертый отворачивал лицо при ласках, чтобы смотреть на телевизор или наблюдать какой-либо яркий предмет, или сосредоточивался на слышимой музыке (сам специально радиоаппаратуру с этой целью не включал). Также для переключения внимания применялся счет ударов часов, представление, как член движется во влагалище, действия, направленные на то, чтобы не видеть партнершу, перенос акцента на мысли об испытываемых женщиной ощущениях и о том, как доставить ей удовольствие. Один пациент для того, чтобы несколько отвлечься от ощущений, испытываемых при сексуальных контактах, осуществлял их в сопровождении тихой, медленной, мелодичной музыки, а иногда включал телевизор.

Переключение внимания с помощью планирования, осуществляемое во время интимной близости, представляло собой составление программы действий, которые следует осуществить на производстве и (или) дома по хозяйству на следующий день или в ближайшее время, мысли о том, что нужно купить, как следует одеться. Так, например, один из наших пациентов, работавший машинистом на железнодорожном транспорте, во время полового акта все время вспоминал о множестве инструкций и приказов, которые ему необходимо выучить. Следует отметить, что переключение внимания с помощью планирования применяется как с привлечением визуальных сюжетов, так и без их привлечения.

Помимо перечисленных вариантов переключения внимания, констатировалось его отвлечение с использованием репродуцируемых и конструируемых сюжетов, связанных с имевшим место или воображаемым позитивным сексуальным опытом с данной партнершей или с другими женщинами, что по сути является ничем иным, как приобретением к ресурсу, которым обладает каждый человек. Мужчины могут вспоминать в прошлом полноценные половые акты с данной партнершей или воображать, что осуществляют их с другой, более привлекательной и молодой женщиной, с которой у них половых актов вообще не было, или с партнершей, с которой у них в прошлом были полноценные интимные контакты. Так, один из наших пациентов в предварительном периоде представлял, что производит его с другой женщиной, с которой никогда не был в интимных связях. В основном возникали яркие образы. Эти представления в 40% случаев давали эффект, что проявлялось в улучшении напряжения члена и увеличении продолжительности полового акта, производной в данном случае от качества эрекции. При последующих половых актах воображаемые партнерши могли быть иными. Другой больной при сексуальном сближении с партнершей репродуцировал визуальные сюжеты половой близости из прошлого опыта с "...симпатичной девочкой, которая в этих делах была не то, что профессор, а прямо академик...", с которой все и всегда получалось хорошо, в каком бы состоянии он не был (трезвый или выпивший). С целью сексуальной стимуляции крайне редко также воспроизводились эротические сцены, которые ранее представлялись мужчинами при мастурбации. Наш пациент, который поступал таким образом, добивался восстановления хорошей эрекции. Иногда с этой же целью отмечалось "приобретение" к чужому сексуальному опыту (фото- и киноматериалы). Так, один обследованный нами больной представлял обнаженных женщин и мужчин, которых он видел ранее на порнографических от-

крытках, а другой после просмотра эротических фильмов в предва-
рительном периоде воспроизводил сцены из них.

Переключение внимания может оперировать также репродукци-
ей и конструкцией сюжетов, связанных с досугом, бытом, производ-
ственной деятельностью. Это могут быть пейзажи, связанные с от-
дыхом на природе, рыбной ловлей, сцены спортивных состязаний,
где пациент выступает в роли участника или (и) болельщика. Так,
один из наших пациентов во время интимной близости целенаправ-
ленно вызывал у себя следующие визуальные представления. Он
видел речку, деревья, как он ловит рыбу. Другой больной, который
каждое лето отдыхал на озере Селигер у истоков Волги, репродуци-
ровал пейзажи, включающие в качестве обязательного компонента
это озеро, что несколько не улучшало его сексуальные функции. С
целью увеличения продолжительности полового акта пациенты под-
час могут конструировать пейзажи и состояния, обладающие нега-
тивным эмоциональным воздействием. Так, один из больных, пресле-
дующая указанную цель, представлял во время интимной близости размы-
тую грязь, дорогу, ненастную холодную погоду. Нередко репродуциру-
емые и конструируемые сюжеты связаны со спортом. Например, один
мужчина во время интимной близости представлял себя игроком харь-
ковской футбольной команды "Металлист" (нападающим) и почти в
одно и то же время болельщиком. Это ему хорошо удавалось. Диагности-
ровались и воображаемые сюжеты, связанные с бытом. Так, один из
наших пациентов с целью улучшения в сексуальной сфере при поло-
вом акте думал о текущих трудностях, связанных с жилищными усло-
виями: живет с семьей в тесноте в маленькой комнате. Другой больной
с такой же целью представлял, как что-то мастерит. Переключение вни-
мания, связанное с привлечением производственных сюжетов могло
быть сопряжено с их различным эмоциональным подтекстом: прият-
ным, нейтральным, неприятным. Так, один из обследованных нами муж-
чин с целью увеличения продолжительности полового акта представ-
лял, что на работе переносит тяжелые листы металла, и это, наряду с
обращением к другим визуальным сюжетам, давало хороший эффект.

Эротическая аутосенситизация выполняет стимулирующую фун-
кцию. Так, один из наших пациентов с целью борьбы с тревожным
ожиданием неудачи при сексуальном контакте с женой старался со-
средоточиться на сладострастных ощущениях при ласках, поцелуях,
а также фрикциях. Для усиления эффекта от предпринимаемых им
мер он в это время внушал себе, как ему с ней приятно.

Проведенный анализ используемых больными приемов показал,
что их феноменология часто зависит от того, какая функция наруше-

на. Так, для улучшения эрекции использовались различные стимулирующие меры ("обращение к половому члену"; переключение внимания с использованием репродуцируемых и конструируемых сюжетов, связанных с имевшим место или воображаемым позитивным сексуальным опытом, мастурбацией, "приобщением" к чужому сексуальному опыту; эротическая аутосенситизация, культивирующая приятные ощущения во время текущей интимной близости), а также самовнушение-установка на безразличное отношение к результату. При ускоренном семяизвержении, наоборот, применялись приемы, обладающие сексуально-депривационным действием. К ним относятся: самовнушения, направленные на уменьшение интенсивности восприятия эротических стимулов; все способы переключения внимания, кроме указанной выше разновидности, используемой для улучшения эрекции. Варианты самовнушений, не перечисленные нами как специально применяющиеся с целью улучшения напряжения полового члена или увеличения продолжительности полового акта, даже в случае, если у обследованных больных они использовались для улучшения какой-то одной из этих функций, не могут быть признаны специфичными в плане их воздействия на эрекцию или эякуляцию.

Описанные нами техники психической саморегуляции сексуальных функций использовались мужчинами не только изолированно, но и в различных сочетаниях, и могли быть неоднозначны у одних и тех же больных при различных половых актах. В ряде случаев те же пациенты с целью улучшения эрекции применяли одни приемы, в то время как для увеличения продолжительности полового акта — иные.

Нами также были выявлены изменения поведения, обусловленные сексуальным расстройством, которые имели место за некоторое время до интимной близости. Так, один из наших пациентов с целью отвлечения от своих тревожных мыслей о качестве планируемого полового акта перед интимной близостью ходил в кино, а за 1 час до коитуса прочитывал две-три страницы художественной литературы. Другой больной, который до обращения к нам прочел специальную книгу по сексопатологии, за 1 ч до коитуса делал адекватные своему состоянию самовнушения. Третий пациент, занимающийся разработанным нами ускоренным вариантом аутогенной тренировки для лечения сексуальных расстройств, дошел даже до того, что, находясь в другом городе в командировке, приобщил партнершу к проведению с ним (гетеротренинг) упражнений АТ непосредственно перед половым актом.

С целью установления эффективности применения различных психологических приемов для улучшения сексуальных функций и общего состояния в преддверии и во время интимной близости из 76 пациентов, которые их использовали, было специально опрошено 73

чел. У одного из них сколько-нибудь определенное мнение об эффекте выявить не удалось. Из 72 остальных больных различная степень результативности применявшихся приемов когда-либо наблюдалась у 38 чел. ($52,8 \pm 5,9\%$), а ее полное и перманентное отсутствие — у 34 чел. ($47,2 \pm 5,9\%$). При этом, в 4 из 38 случаев ($10,5 \pm 5,0\%$), где отмечался позитивный эффект от использования пациентами психологических средств, он касался лишь улучшения общего состояния во время интимной близости и никак не отражался на качестве сексуальных функций.

Рассматривая вопрос о целесообразности применения пациентами представленных в приведенной выше классификации приемов психической саморегуляции, следует отметить, что из терапевтического арсенала должно быть исключено стимулирующее "обращение к половому члену". Это объясняется тем, что фиксация внимания на половом органе (гиперконтроль его напряжения) является одним из факторов участвующих в симптомообразовании у больных с тревожным опасением сексуальной неудачи. Используя данный вид самовнушения, больные лишь укрепляют патогенный защитный механизм приковывания. Относительно других приемов, нашедших отражение в указанной классификации, установка должна быть следующей. В дополнение к общепринятой терапии можно помогать пациентам в подборе индивидуально-эффективных средств психической саморегуляции, осуществляя при необходимости соответствующую коррекцию. Это, в частности, касается рекомендаций учитывать психотерапевтическое правило, согласно которому формулы самовнушения должны строиться таким образом, чтобы в них указывалось, что пациент хочет приобрести, а не то, от чего он желал бы избавиться.

Литература:

1. Андрианов В.В. Аутогенная тренировка в комплексном лечении функционально-психогенных форм импотенции: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. — М., 1974.-39с.
2. Кочарян Г.С. Ускоренный вариант аутогенной тренировки для лечения сексуальных расстройств: Методические рекомендации. — М.: Упр. спец. мед. помощи МЗ СССР, 1991. — 19 с.
3. Кочарян Г.С. Аутогенная тренировка // Кочарян Г.С., Кочарян А.С. Психотерапия сексуальных расстройств и супружеских конфликтов. — М.: Медицина, 1994. — С.68-85
4. (Chia M., Arava D.A.) Цзя М., Арава Д.А. СВЕРХВОЗМОЖНОСТИ МУЖЧИНЫ, ДОСТУПНЫЕ КАЖДОМУ. Сексуальные секреты, которые должен знать каждый мужчина.: Пер. с англ. -М.: Либрис, 1996.- 320 с.

5. (Green R.) Грин Р. Психотерапия расстройств эрекции // Вагнер Г. Грин Р. Импотенция (физиология, психология, хирургия, диагностика, лечение): Пер. с англ. -М: Медицина, 1985 – С.182-200.
6. Reynolds B. Biofeedback and facilitation of erection in men with erectile dysfunction // Archives of Sexual Behavior.-1980.-Vol. 9(2).- P.101-113.
7. Smith, D., and Over, R. Enhancement of fantasy-induced sexual arousal in men through training in sexual imagery // Archives of Sexual Behavior.-1990.- Vol. 19(5).- P.477-489.
8. Zuckerman M. Sexual Arousal in the Human: Love, Chemistry or Conditioning? // Physiological correlates of human behaviour. London: Academic Press Inc., 1983.-P. 299-326.

О.О. Кочемировська

ДЕЯКІ ВІКОВІ ОСОБЛИВОСТІ ПСИХОСЕМАНТИЧНОЇ СТРУКТУРИ ПЕРЕЖИВАННЯ НАСИЛЬСТВА ПОЛЬСЬКИМИ ПІДЛІТКАМИ ТА ЮНАКАМИ

Описаны результаты экспериментального исследования психосемантической структуры переживания насилия польскими подростками и юношами. Показана динамика возрастных изменений этой структуры.

Дослідження, проведені в останні роки (1, 2), виявляють значне підвищення тяжіння підлітків до різноманітних форм девіантної поведінки, амплітуда проявів якої змінюється від соціального відчуження до відкритої агресії та насильства. Багато досліджень, присвячено вивченню об'єктивних витоків та причин агресивної та насильницької поведінки (3). Але суб'єктивна система уявлень про насильство, властива підліткам, залишалась за межами цих досліджень.

Об'єктом дослідження, проведеного у парадигмі аналізу суб'єктивного переживання насильства та поданого в статті, є різноманітні форми насильницької поведінки, що переживається і реалізується підлітками та юнаками у сім'ї і серед ровесників.

Мета дослідження, проведеного разом із польськими колегами (E.Dajek), – виявити вікові особливості психосемантичної структури переживання насильства у молодших підлітків та юнаків Польщі, країни з сталими патріархальними католическими традиціями, які досить жорстко регулюють всі сфери життя суспільства і взаємин між людьми (4).

Задачі дослідження:

1. Побудувати суб'єктивну шкалу насильства, що переживається, для підлітків та юнаків
2. Провести психосемантичну класифікацію різноманітних форм насильства, що переживається підлітками;

3. Виявити вікову динаміку змін у психосемантичній структурі понять, навантажених віогентною семантикою;
Матеріал дослідження – підлітки 12-13 років (27 чоловік), юнаки та дівчата 16-17 років (32 людини), що є громадянами Польщі.

Методи дослідження: суб'єктивне шкалювання понять, навантажених семантикою насильства за 100 бальною шкалою; опитувач відношення до насильства, розроблений польськими дослідниками.

В статті пропонується стислий огляд результатів дослідження, проведеного серед польських підлітків та юнаків в 1998 році.

Під час дослідження обстежували кожної вікової групи оцінювали за 100-бальною шкалою слова та вирази (всього 174), що позначають різноманітні прояви насильства, відповідно до їхньої насиченості віогентною семантикою. За результатами кластерного аналізу було виявлено кластер понять, максимально навантажених семантикою насильства. До нього увійшли поняття, що набрали 70 і більше балів. В Табл. 1 представлені оцінки цих понять підлітками 12-13 років.

Кількість понять, що відносяться до групи "максимального" насильства, складає 10,92% від загальної кількості слів та виразів, що були використані в дослідженні. 89,47% з них – це поняття, що описують крайні форми фізичного насильства. Показовим є той факт, що до одного ряду із ними потрапили й такі поняття, як "Примушувати" і "Подавляти", що описують обмеження свободи особистих проявів. Це вочевидь, відображає нетерпимість до грубого безпосереднього стримування волі, характерну для підлітків.

Крім того, можна відзначити той факт, що підлітки 12-13 років не зовсім адекватно оцінюють віогентність понять що описують тяжке фізичне насильство, яке призводить до летального ісходу (і, очевид-

Таблиця 1

№ п/п	Поняття	Бали
1	Вбити	93,11
2	Топити	89,11
3	Стріляти	88,88
4	Удавити	87,77
5	Вбивати	85,55
6	Застрелити	85,44
7	Мучити	85,00
8	<i>Примушувати</i>	83,11
9	Вибивати	80,55
10	Експлуатувати	80,11

№ п/п	Поняття	Бали
11	Бити	79,77
12	Душити	78,44
13	<i>Подавляти</i>	74,11
14	Повісити	73,88
15	Вламуватися	73,66
16	Ламати	72,33
17	Карати	72,22
18	Стратити	72,11
19	Звірствувати	70,88

Таблиця 2

№ п/п	Поняття	Бали
1	Убити	100
2	Стратити	98,76
3	Застрелити	98,15
4	<i>Примушувати</i>	98,08
5	Убивати	96,47
6	Удавити	93,88
7	Душити	90,91
8	Топити	89,14
9	Стріляти	88,53
10	Звірствувати	84,64
11	Мучити	84,51

№ п/п	Поняття	Бали
12	Заподіювати біль	84,51
13	Избивати	83,01
14	Нападати	81,91
15	Ображати	80,97
16	Бити	79,97
17	Експлуатувати	79,52
18	Поранити	79,03
19	Повісити	78,72
20	<i>Приневолювати</i>	75,72
21	Отруювати	74,19
22	<i>Подавляти</i>	71,52

но, взагалі, рівень деструктивності такого насильства). Як видно, це є слідством того, що ця вікова категорія ще частково зберігає уявлення про оборотність смерті, характерну для ранішого віку, хоча це потребує подальшого вивчення.

У Таб. 2 наведені оцінки понять, насичених семантикою насильства, юнаками та дівчатами 16-17 років.

Як видно з таблиці, група понять, максимально навантажених семантикою насильства, у польських юнаків та дівчат 16-17 років складає 12,64% від загальної кількості слів. Таким чином, можна казати про розширення цієї групи понять порівняно з такою ж у підлітків 12-13 років. Треба відзначити, що збільшення блоку слів, максимально насичених віогентною семантикою, йде, здебільшого, за рахунок його кількісних змін. Якісні зміни проявляються в переоцінці сили насильницького впливу, закладеної в тому чи іншому слові. Для вікової групи 16-17 років підвищуються також вагомість понять, пов'язаних з подавленням волі і рівень оцінки віогентності понять, що описують крайні форми фізичного насильства. Очевидно, це свідчить про зниження порога толерантності до оцінки такого роду діянь, пов'язане із прийняттям соціокультурної норми відношення до насильства. Іншими словами, у період з 12 до 16 років відбувається формування такої суб'єктивної структури переживання насильства, яка відповідає соціокультурним нормативам.

Учасникам дослідження було запропоновано висловити своє відношення до тверджень, які відбивають суспільні стереотипи, стосовні насильства (згоден/не згоден). У Таб. 3 наведена кількість осіб, згодних з поданими твердженнями (у відсотковому виразі).

Динаміка вікових змін відношення до насильства демонструє, що, з одного боку, відбувається прийняття соціокультурної норми, яка

Таблиця 3

№ п/п	Твердження	Вікова група / %	
		12/13	15/16
1	Агресія притаманна чоловікам у більшій мірі, ніж жінкам	44,25	65,63
2	Коли я разлючений, я ламаю що-небудь	11,12	43,75
3	Кровопролиття під час бійки - це природньо	55,56	15,63
4	Бійка - це звичайна частина життя	11,12	6,26
5	Насильство - ознака влади	33,34	28,13
6	В моїй родині до насильства вдаються частіше, ніж в інших	—	—
7	Якщо бажаєш добитися чого-небудь в житті, необхідно застосовувати силу	—	—
8	Насильство частіше виходить з боку батька	11,12	12,49
9	Причиною насильства є не люди, а обставини	11,12	18,74
10	Якщо людина є досить приємною, то вона ніколи не буде жертвою насильства	—	6,26
11	Жертва провокує агресора рисами свого характера	44,45	3,13
12	Свої погляди можна захистити силою	—	24,98
13	Застосовуючи силу, легше жити а насильство необхідно	—	—

стосується відкритих агресивних проявів насильства (див. твердження 3-5), а з іншого, формується уявлення про те, що насильство є неминучим слідством певних обставин (твердження 9, 12). Фактично, юнаки та дівчата “знімають із себе відповідальність” за власні насильницькі дії, але у той самий час оцінка подібних дій з боку інших людей стає більш жорсткою.

Таким чином, можна казати про феномен поляризації переживання насильства, що проявляється в диференціації висоти порога толерантності до насильницьких дій, яка залежить від суб'єкта насильства.

Отримані результати дослідження вікових особливостей психосемантичної структури насильства у польських юнаків та дівчат дозволяють зробити такі висновки:

- Вік 12-16 років є сензитивним для формування адекватної оцінки віогентних впливів та прийняття соціокультурної норми насильства;
- Юнаки та дівчата 16-17 років характеризуються більш низькою толерантністю до грубих насильницьких дій порівняно до підлітків 12-13 років;

- ♦ Очевидно, існує певна різниця між пороговими рівнями оцінки припустимості насильства залежно від особи, яка їх актуалізує – феномен поляризації переживання насильства.

Література:

1. Насилие в семье и дети (анализ результатов социологического исследования): реферативная работа. – Харьков, Центр женских исследований, 1995.
2. Іващенко О. Сексуальні зловживання щодо дітей та підлітків в Україні // Пратктична психологія та соціальна робота / №4, 1998., сс. 43-45.
3. Кочарян А.С. Личность и половая роль (симптомокомплекс маскулинности/фемининности в норме и патологии) / Отв. ред. член-корр. АПН України Л.Ф.Бурлачук. – Х.: Основа, 1996 – сс. 72-78.
4. The situation of women in Poland. – Polish Committee of NGOs, Beijing, 1995. – p.30

Т.И. Краско

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНО-СИТУАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ЛЮДЯМ, ПОТЕРЯВШИМ РАБОТУ

Пропонується універсальна модель подолання психотравмуючих ситуацій та розглядаються можливості її використання як теоретичної підстави психотерапевтичних впливів.

Нынешние общественные условия, ломающие прежние представления об укладе жизни и заставляющие переоценивать социальные и индивидуальные ценности – порождают новые типы психотравматических ситуаций. Реальная общественно-экономическая ситуация на Украине – причина возникновения многих трудноразрешимых проблем, с которыми люди раньше в своей жизни не сталкивались, а потому и не имеют индивидуального опыта их преодоления и переосмысления. Поэтому крайне неотложным и актуальным является изучение того, каким образом людям удастся справиться с возникающими трудностями, к каким стратегиям прибегают они, чтобы совладать с тяжелыми жизненными ситуациями или чтобы предотвратить порождаемые ими эмоциональные нарушения. Такие исследования необходимы как в теоретико-познавательных целях, так и в целях выработки приемов квалифицированной психологической по-

мощи человеку, попавшему в трудную жизненную ситуацию, в частности — человеку, ставшему безработным.

Основной гипотезой проводимого при поддержке Research Support Scheme of the OSI/HESP (грант № 1130/1997) исследования послужило предположение о том, что реальное разрешение человеком стоящей на его пути сложной жизненной проблемы определяется не только объективными признаками самой жизненной ситуации и не только имеющимися у человека личностными особенностями — а их специфическими взаимодействиями и взаимовлияниями, что и позволило ввести термин *личностно-ситуационного взаимодействия* (ЛСВ).

ЛСВ предполагает наличие двух процессов:

1. *Ситуация* → *Личность* : зависит от смыслового отражения человеком объективных условий и требований ситуации потери работы, то есть от ориентации в восприятии и оценке этой ситуации на внешние психотравмирующие детерминанты или на актуализированные объективной ситуацией внутренние задачи. Вследствие того, что этот процесс протекает по-разному у разных людей, различным будет и его результат, то есть то, чем собственно явится для человека потеря работы и необходимость предпринимать какие-то дальнейшие действия. Результат этот будет зависеть от характеристик когнитивного стиля субъекта, которым и определяются индивидуальные различия в особенностях построения “ментального образа” ситуации, от локуса контроля, от всего предшествующего опыта переживания психотравматических событий, от общего уровня “биографического стресса” и так далее.

Этим процессом задается *ранг субъективной значимости ситуации*, им определяется то, чем именно станет для конкретного человека сам факт потери работы — *стрессом* (крушением надежд, планов, угрозой значимым ценностям), *фрустрацией* (препятствием в реализации актуальных потребностей), *конфликтом* (необходимостью выбора между несовместимыми мотивами) или *кризисом* (необходимостью перестройки смысловых структур и переориентации на новые ценности). В принципе любое неоднозначное или негативное жизненное событие (потеря работы или близкого человека, эмиграция, измена, обман и так далее) может стать для конкретного человека ситуацией любого ранга. Ситуация — это такое событие, которое привело к нарушению психологического благополучия индивида и, соответственно, требует особых *внутренних действий*, необходимых для обеспечения психологической защищенности и восстановления психологического благополучия, а остальные события

(независимо от их объективных детерминант) не являются ситуациями. Поэтому любая ситуация потенциально может стать предиспозицией и стресса, и фрустрации, и конфликта, и кризиса, а может остаться просто событием жизни. Для каждого человека ранг субъективной значимости ситуации определяется тем, что он "вычерпывает" из нее в качестве психотравматических детерминант, то есть тем, какое смысловое значение он ей придает.

2. *Личность→Ситуация* : зависит от меры включенности различных уровней индивидуального и личностного функционирования в деятельность по преодолению психотравмирующих детерминант ситуации и достижению психологического благополучия. Результат этого процесса зависит от меры надситуативной активности субъекта; от его умения ставить цели, избыточные с точки зрения исходной задачи по восстановлению психологического благополучия, то есть цели, избыточные с точки зрения субъективно воспринимаемой значимости ситуации потери работы.

Этим процессом определяется уровень личностной реакции на ситуацию, который зависит от множества предиспозиционных факторов, таких как степень личностной зрелости и опыт осуществления личностных выборов, атрибуции ответственности, особенностей самосознания и самоотношения, индивидуального жизненного опыта ЛСВ, места и времени ситуации потери работы в индивидуальной внутренней картине жизненного пути и от многого другого.

Можно предположить существование трех типов возможных ответов личности на любую возникшую ситуацию: *самосохранение, саморегуляция и самоактуализация*, которые являются различными уровнями *личностного функционирования* в сложной жизненной ситуации и от которых собственно и зависят основные процессы ЛСВ, определяемые как *психологические стратегии (I-III) личностно-ситуационного взаимодействия*.

Короче говоря, ЛСВ порождается и регулируется различными для разных людей *внутренними необходимостями* (по терминологии Ф.Е.Василюка, 1984) *жизнедеятельности* по преодолению психотравматических детерминант ситуации. Эту внутреннюю необходимость, порождающую те или иные внутренние действия для восстановления психологической защищенности и психологического благополучия, мы подразделяем на:

1. *Ситуационную необходимость*, определяемую внутренними и внешними детерминантами ситуации,

2. *Личностную необходимость*, определяемую уровнем личностной зрелости и мерой надситуативной активности

Содержание личностно-ситуационного взаимодействия	Переосмысливание ситуации	Интерпретация ситуации	Отчуждение ситуации	Изоляция себя от ситуации
Направленность личностно-ситуационного взаимодействия	Преобразование	Приспособление	Избегание	↓ отказ от собственно-психологических стратегий
Направленность интрапсихического функционирования	Преобразование ценностно-смысловой сферы	Восстановление и поддержание позитивного самоотношения	Борьба с негативными эмоциями	личностно-ситуационного взаимодействия
Уровень интрапсихического функционирования	Содержательно-смысловой	Операционально-оценочный	Энергетически-динамический	вия и уход в аддиктивное поведение
Отношение к ситуации ("ментальный образ" ситуации потери работы)	Потеря работы как этап жизненного пути ("закономерность" или "испытание")	Потеря работы как стечение обстоятельств ("случайность")	Потеря работы как незаслуженное наказание ("удар судьбы")	↓ (алкоголизм, наркомания, суициды)
Предиспозиция личностного развития	Способствующая	Стагнирующая	Препятствующая	↓
Уровень личностного функционирования	Самоактуализация	Саморегуляция	Самосохранение	Саморазрушение

Теоретически возможны любые сочетания ситуационных и личностных потребностей, типология которых может быть представлена следующим образом :

	1 Кризис	2 Конфликт	3 Фрустрация	4 Стресс
I. Самоактуализация	I/1	I/2	I/3	I/4
II. Саморегуляция	II/1	II/2	II/3	II/4
III. Самосохранение	III/1	III/2	III/3	III/4

Однако, безусловно существуют относительно устойчивые для каждого конкретного человека (зависящие от множества предиспозиционных факторов, но достаточно фиксированные в каждый из периодов жизни) присущие ему особенности процессов ЛСВ. Так,

для одних людей практически любая ситуация воспринимается как стресс, а другие — склонны возводить в ранг кризиса весьма мало-значимые (с точки зрения других людей) события. Один человек будет независимо от ранга ситуационной необходимости, порожаемого ситуацией, придерживаться стратегии самосохранения, а другой будет стараться любую ситуацию использовать как ступеньку для самоактуализации, для личностного роста и так далее.

То есть можно предположить существование индивидуальных особенностей ЛСВ. Можно предположить, что каждый человек в самых различных жизненных ситуациях, возникающих на его пути, отдает избирательное предпочтение тем или иным типам ситуативных и личностных потребностей.

Такие относительно устойчивые индивидуальные характеристики ЛСВ могут быть названы *индивидуальными стилевыми особенностями личностно-ситуационного взаимодействия*. А уж если речь идет о стилевых особенностях, то в каждом стиле может быть выделена (М.Р.Щукин, 1995 и др.) его *процессуальная (содержательная)* и *результативная* стороны.

1. *Процессуальная сторона ЛСВ* определяется системой действий, протекающих исключительно во внутреннем плане. Какие-либо внешние действия или поступки являются *следствием*, а не *содержанием* ЛСВ. Содержанием ЛСВ предопределяется и факт совершения поступка и факт его несовершения. Ситуационная и личностная потребности жизнедеятельности могут быть и актуализированы и нивелированы уже на самом уровне внутренних действий индивида, то есть на уровне действий *интрапсихических*. Содержательная сторона ЛСВ — это исключительно внутренний процесс, внутреннее движение, внутренняя работа. Далеко не всегда для преодоления сложной жизненной ситуации и достижения тем самым психологического благополучия необходимо совершать реальные поступки. Более того, поступок (как следствие ЛСВ) может быть промежуточным этапом, осознание и оценка которого служат для человека индикатором потребности следующего этапа ЛСВ.

Таким образом, процессуальную сторону ЛСВ представляют особые интрапсихические механизмы, которые являются, как правило, неосознаваемыми и независимыми от прямого произвольного контроля. Они практически не имеют “внепсихологического” содержания и не существуют вне индивидуальной психики.

2. *Результативная сторона ЛСВ* определяется степенью приближения к необходимой цели, а именно — к восстановлению психологического благополучия.

Так могут быть рассмотрены три типа результатов ЛСВ:

1. Внутренняя зависимость от психотравмирующих детерминант ситуации не преодолена (*психологическая незащищенность*).

2. Психотравматические детерминанты ситуации дезактуализованы и достигнут уровень *психологической защищенности*.

3. Психотравматические детерминанты ситуации преодолены и достигнут уровень *психологического благополучия*.

Исходя уже из самих определений и содержательного анализа выделенных нами рангов ситуационной необходимости и рангов личностной необходимости ЛСВ, можно утверждать, что достижение психологического благополучия возможно лишь том случае, когда ранг стратегии ЛСВ (ранг личностной необходимости) *превышает* ранг субъективной значимости (ситуационной необходимости). То есть достижение психологического благополучия возможно только в том случае, когда результатом ЛСВ является *реализация личностной необходимости, а не ситуационной*.

Восстановление психологической защищенности возможно при *совпадении* ранга субъективной значимости ситуации (ситуационной необходимости) с рангом стратегии ЛСВ. То есть психологическая защищенность достигается в том случае, когда результатом ЛСВ является *реализация ситуационной необходимости*.

Если же ранг стратегии ЛСВ *ниже* ранга ситуационной необходимости — стратегия ЛСВ оказывается неуспешной и не реализует ни ситуационной ни личностной необходимости деятельности по преодолению психотравмирующих детерминант ситуации.

Таким образом, *результативная сторона стиля ЛСВ предопределена имеющимся отношением ранга стратегии ЛСВ к рангу субъективной значимости ситуации*.

Показатели результативности различных стилей ЛСВ могут быть представлены следующим образом:

	4 Стресс	3 Фрустрация	2 Конфликт	1 Кризис
I Самоактуализация	(I/4) +	(I/3) +	(I/2) +	(I/1) 0
II Саморегуляция	(II/4) +	(II/3) +	(II/2) 0	(II/1) -
III Самосохранение	(III/4) +	(III/3) 0	(III/2) -	(III/1) -

+ — достижение психологического благополучия (реализация личностной необходимости);

0 — восстановление психологической защищенности (реализация ситуационной необходимости);

- — психологическая незащищенность (не реализованы ни ситуационная, ни личностная необходимости).

Исходя из этого, результативность индивидуального стиля ЛСВ может быть реально повышена двумя путями: 1.повышением ранга ситуационной необходимости и 2.повышением ранга личностной стратегии ЛСВ. Оба эти пути могут быть использованы в психотерапевтической и коррекционной работе с людьми, находящимися в трудных жизненных ситуациях. Однако каждый из этих путей предполагает принципиально различные по форме, времени и содержанию психотерапевтические мероприятия.

На основе данной теоретической модели был проведен формирующий эксперимент. В процессе групповых тренинговых занятий (10 занятий по 1,5 часа), проведенных с четырьмя группами людей, потерявших работу (всего 60 человек, давность увольнения от одной недели до одного месяца), применялись психотерапевтические приемы и коррекционные техники, направленные на а) переосмысление психотравмирующих критериев ситуации потери работы и на б) переоценку той роли, которую играют любые сложные жизненные коллизии в судьбах людей. При этом использовалось предположение, что личностная стратегия ЛСВ, зависящая от уровня личностной зрелости и меры надситуативной активности человека — вряд ли доступна психотерапевтической коррекции в рамках достаточно непродолжительного тренинга, а вот ранг субъективной значимости ситуации вполне доступен продуктивной переоценке в процессе направленного группового взаимодействия. Поэтому в ходе групповых занятий отрабатывался именно процесс трансформации психотравматических критериев-детерминант ситуации потери работы. Основным направлением коррекционного воздействия было переосмысливание ситуации потери работы как “условно благоприятной”: дающей потенциальную возможность самореализоваться, “испытать себя на прочность”. Дважды — до и после проведения цикла групповых занятий — каждый испытуемый заполнял специальную модификацию репертуарной личностной решетки, сконструированной для выявления индивидуальных стилевых особенностей тех механизмов, которыми определяются присущие индивиду особенности стратегий преодоления жизненных трудностей, и тех субъективных критериев-признаков любой психотравмирующей ситуации, которые являются определяющими для ее оценки. Подобный психодиагностический контроль выполнял две функции: 1.объективизацию эффективности группового тренинга для каждого испытуемого (критерием эффективности тренинга служили соответствующие изменения актуальных психотравматических детерминант жизненных ситуаций) и 2.объективизацию трансформации индивидуальных стилевых особенностей ЛСВ под влиянием направленного группового взаимодействия.

Основные выводы проводимого исследования (помимо концептуального подтверждения применяемой теоретической модели, практического эффекта специального группового тренинга и соответствующих методологических рекомендаций относительно направлений психокоррекционной помощи людям, потерявшим работу) позволяют понять то, каким образом трудные социальные ситуации отражаются в сознании и поведении людей, а также оценить, насколько люди готовы принять происходящие сложные и неоднозначные события своей жизни в качестве потенциально-позитивных, содержащих в себе возможность самореализации в новых социально-экономических условиях.

Список литературы:

1. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита. // Психол.ж-л. 1994. — т.15, №1. — С.3-18.
2. Васильюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). — М.: МГУ, 1984. — 200с.
3. Васильюк Ф.Е. Типология переживания различных критических ситуаций // Психол.ж-л. 1995. — т.16, №5. — С.104-114.
4. Ксенофонтова Е.Г. Уровни развития саморегуляции личности: критерии ее определения. / Автор. дисс. ... канд. психол. наук — М., 1988. — 23с.
5. Шукин М.Р. Индивидуальный стиль и интегральная индивидуальность: проблемы и подходы. // Психол.ж-л. 1995. — т.16, №2. — С.103-113.

Н.П. Крейдун

СКЛОННОСТЬ К РИСКУ И ДЕЛИНКВЕНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

У статті аналізуються деякі теоретичні підходи до вивчення ризику. Викладено результати експериментального дослідження схильності до ризику у неповнолітніх злочинців.

Склонность к риску, рисковое поведение, риск, — понятия, относящиеся к характеристике личностной активности.

Прежде, чем мы проанализируем некоторые подходы в изучении психологии риска, обратимся к словарным трактовкам понятия "риск". В словаре русского языка риск определяется с одной стороны, как возможная опасность чего-либо, с другой — как действие "наудачу", требующее смелости, бесстрашия, действие, которое совершается в надежде на успешный исход. Рисковать же — это значит, в одном

случае, пускаться на неверное дело, подвергаться случайности, в другом — действовать смело, решительно, надеясь на счастье.

Первые научные подходы к проблеме риска датируются XIX веком в области права. Особенно звучат здесь такие феномены, как “рисковый” договор, риск случайной гибели. Далее появляются исследования рискованного поведения в медицине, технике. В них основное внимание уделяется вычислению вероятности успеха, предсказанию успешности того или другого типа активности. Иными словами, психологический аспект проблемы риска выходит на анализ проблемы принятия решения. Склонность же к риску, по мнению ряда исследователей, является достаточно устойчивой характеристикой индивида и связана с такими чертами, как импульсивность, независимость, стремление к успеху, склонность к доминированию.

В.А. Петровский /3/ определяет риск как ситуационную характеристику деятельности, состоящую в неопределенности ее исхода и возможности неблагоприятных последствий при неуспехе.

Важным общим выводом большинства исследователей риска является характеристика соответствующего поведения как активности, необходимой для достижения цели в ситуации неопределенности. Более желаемая цель, ее достижение сопряжено с возможностью потерь: “цена” поражения при этом такова, что она имеет для индивида худшие последствия, чем в случаях непринятия решения. Рисковое поведение, в этом отношении — достояние субъекта как ответственного и самостоятельного в действиях индивида, причем субъекта ориентированного на принцип “от внутреннего к внешнему”.

Считается, что рискованное поведение детерминировано четырьмя группами факторов: характер задачи, решаемой субъектом; особенности ситуации, в которой действует субъект; его личностные особенности, и последнее — влияние межличностного взаимодействия. Важной особенностью этого поведения является его “проигрывание” и сочетание процесса принятия решения с поиском дополнительной информации “на ходу”.

Важный определитель риска при принятии решения — субъективно ожидаемая полезность, всегда обнаруживающая тенденцию к максимизации. Риск в данном аспекте — это активное предпочтение субъектом варианта действия с большей опасностью, но и с большей ожидаемой полезностью; это возможность и неизбежность поиска и использования индивидом именно “своего” шанса. Все сказанное является основанием для утверждения: нет области человеческой активности, которая бы не содержала элементов риска.

Т.Леви /2/ анализируя связь риска и нравственности подчеркивает, что рискованные решения конструктивной направленности может принимать лишь индивид, ориентированный на свободу и одновременно на понимание социальных координат общества. Риск — это рассредоточение ответственности, повышение градуса самостоятельности, чувства причастности к живому делу. Рискует, в первую очередь, индивиды, массы же чаще всего подвержены эпидемии страха или эйфории надежды. Из этого автор делает вывод: последствия рискованных решений могут быть губительными, поэтому сфера принятия решения должна быть под контролем широких слоев населения.

Существует, как считает А.Альгин /1/ две формы риска: мотивированный и немотивированный. Степень принимаемого рискованного решения находится в прямой зависимости от индивидуально-психологических характеристик субъекта. Риск выполняет регулятивную функцию в социуме, без него нет движения вперед.

Риск, как считают некоторые исследователи — это неопределенность исхода и возможные неблагоприятные последствия, однако это и ожидаемый выигрыш при реализации уместных действий.

По всей видимости, если “идет на риск” юноша или подросток, то неблагоприятные последствия совершаемых действий, практически, не принимаются ими во внимание.

В нашем исследовании, проведенном в учреждении по исполнению наказаний, была изучена выраженность склонности к риску у лиц, осужденных за преступления против личности. В исследовании приняло участие 40 юношей в возрасте от 16 до 18 лет. В состав контрольной группы вошли студенты 1 курса Харьковского государственного университета. / Исследование под нашим руководством было проведено студенткой отделения психологии В.Сенько /.

В исследовании использовался Опросник определения склонности к риску /4/.

Были получены следующие результаты:

низкий уровень склонности к риску:

делинквенты — 30%, просоциальные юноши — 10%;

средний уровень склонности к риску:

делинквенты — 50%, просоциальные юноши — 75%;

высокий уровень склонности к риску:

делинквенты — 20%, просоциальные юноши — 15%.

Как мы видим, у обеих групп испытуемых диагностируется средний уровень показателя склонности к риску и практически отсутствуют отличия в показателях двух групп испытуемых. Вместе с тем, наличие склонности к риску может выступать в качестве одной из

характеристик данной возрастной группы. Пожалуй, это естественно, ведь речь идет о специфических особенностях удовлетворения потребности в самоутверждении.

Другое дело, что мы можем говорить о различных способах реализации данной потребности: просоциальных или анормативных.

По всей видимости, выраженность склонности к риску не входит в число тех личностных особенностей, которые детерминируют противоправное поведение в юношеском возрасте. Есть нечто другое. Мы считаем интересным и продуктивным изучение особенностей рефлексии в юношеском возрасте, как личностной характеристики, связанной с контролем и над теми действиями, которые сопряжены с риском.

Литература:

1. Альгин А. Риск и его роль в общественной жизни. — М., 1989.
2. Андреева Г.М. и др. Современная зарубежная социальная психология: Тексты. — Изд-во МГУ, 1984.
3. Петровский В.А. Личность в психологии. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
4. Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. — Изд-во МГУ, 1969.

Р. М. Кривко

ПРОБЛЕМАТИКА МОДУСІВ ПСИХІЧНОЇ АДАПТИВНОСТІ ДО СЕРЕДОВИЩА В СУЧАСНОМУ ВИМІРІ НА УКРАЇНІ

В статье рассматриваются проблемы психической адаптивности в данных социальных условиях, а также освещаются вопросы адаптивности как составной части понятия адаптации. Указанная проблематика в значительной степени связана с аллопластическими способами адаптивного поведения, которые анализируются в работе. Также значительное внимание уделено теории защитных механизмов в современном социопсихическом измерении на Украине, ее развитию и особенностям.

І. ПСИХІЧНА АДАПТИВНІСТЬ І АДАПТАЦІЯ

Проблеми психічної адаптивності під час суспільних перетворень є предметом і психологічної, і соціологічної наук. Але якщо соціологія розглядає в основному механізми соціальної адаптивності, то психологія зосереджує увагу на психічній рівновазі та психологічному стані як всього соціуму, так і окремої особистості. Соціологічна наука має за предмет, переважно, соціалізацію, що не виключає дезадаптації (приміром, людина набула бажаного рольового статусу, але

не відчуває себе впевнено і розкуто). Явище соціалізації спостерігається у рольовій концепції особистості, яка розглядає людину як функціонера соціальних відносин, виконавця соціальних ролей. Представників цієї концепції (Сарбін, Парсонс, та ін.) не цікавить, як людина внутрішньо реагує на ролі, чому вона іноді “вистрибує з них” [1; 117-118], тобто рольова адаптація не означає адаптації психічної.

У контексті соціальної адаптації виникає питання про причину, яка змушує людину пристосовуватись до будь-яких сприятливих умов; перш за все це питання розв'язується через аналіз соціальних умов, у яких формується особистість, а також через виконання соціальних функцій.

Тісно пов'язана із соціальною — психічна адаптація. Як справедливо зазначає М.Паніна, “якщо процес співвідношення реального способу життя з нормативним являє собою соціальну адаптацію індивідуума, то процес співвідношення реального способу життя з ідеальним — психологічну адаптацію” [2; 13]. А як відомо, саме гармонійний зв'язок актуального Я є основою психічної рівноваги людини. Якщо між актуальним та ідеальним Я наявні значні розбіжності, то це призводить до невротизації, фрустрацій, а часом і до патологій.

Беззаперечним фактом є те, що психічна адаптація людини наявна в основі будь-якого адаптаційного різновиду, саме вона підкреслює індивідуально-особистісний характер адаптивності особистості. Це підтверджується тим, що в однакових ситуаціях, які потребують адаптивної поведінки, кожна окрема людина адаптується відповідно до власних психофізіологічних особливостей, типу темпераменту, здібностей, соціального досвіду, рівнів мотивацій та домагань. Саме ця різниця є індивідуальною здатністю до адаптації, тобто адаптивністю.

Відгалужуючи поняття адаптивності від загального, адаптації, ми підкреслюємо його особистісний, одиничний характер для кожного індивіда через власний, неповторний екзистенційний досвід. Але самий перебіг цього процесу має широку варіативну різноманітність, починаючи алопластичною (alloplastike — allo — інший, plastike — пластика) та аутопластичною (futos — сам...) парадигмами, які в принципі можна схарактеризувати як адаптацію та пристосування. Ці два типи адаптивної поведінки утворюють широку систему розгалужень, уособлюючи в собі основні стратегії людської поведінки.

Перша, алопластична, передбачає такий адаптивний спосіб, за якого особистість не лише мобілізується і пристосовується до умов середовища (чи то біологічного, чи то соціального) але й змінює це середовище через активну життєву позицію, реалізуючи той принцип, коли людина не може покладатися на інстинктивне пристосування, а повинна свідомо відшукувати свій шлях у світі, переживати його емоційно, створювати своє власне оточення [1; 113].

Не треба доводити ефективність алопластичної адаптивності та її позитивне наповнення, але не завжди особистість має змогу використати цей тип адаптивної поведінки не лише через власні фізіологічні характеристики (темперамент, тип нервової системи тощо), але й через зовнішні чинники: оточення, соціальні умови та інше. У даному випадку людська психіка використовує низку захисних механізмів залежно від ситуації, хоча ці механізми необов'язково використовуються лише за другого типу адаптації – це залежить від складу самої особистості, її провідної адаптивної функції, бо, як відомо, “індивід адаптується і орієнтується, головним чином, за допомогою найбільш розвинутої у нього функції” [9; 189].

Вищезазначені процеси адаптації нерозривно пов'язані з умовами і мотивами адаптивної поведінки, які визначає мета, а відповідно до неї – вибір і змінення способів дії для пристосування до ситуації. Неабияке значення у процесі адаптації має той факт, що ситуативна гнучкість і адаптивність особистості виражається не лише через зміну способів дій у певних ситуаціях, але й через змінення власного ставлення до ситуації.

Таким чином, перебіг адаптації з огляду на її причини розгортається у двох вищезазначених модусах: в основу першого покладений конфлікт, і адаптація має дещо стресовий для індивіда характер; другий же її варіант, в модусі неконфліктного різновиду, позначений пізнавальним змістом процесу адаптації.

II. АДАПТИВНА ЗДАТНІСТЬ І СУСПІЛЬНІ ЗМІНИ

Розглядаючи психічну адаптивність в умовах зміни соціальних формацій, звернемо увагу на домінування у попередньому суспільному ладі пансоціальної парадигми, за якої “навіть досить повнолітній індивід опиняється прив'язаним міцною пуповиною до соціуму... і автоматично додержує соціальних норм і настанов” [6;36].

За даної парадигми соціальна регуляція поведінки розглядалась як зовнішня щодо відношення до особистості; внутрішньоособистісні структури і механізми витлумачувались як соціальні регулятори, “пересажені усередину” індивіда, тобто мова йшла, по суті, про ту саму зовнішню маніпуляцію, але яка приймається добровільно і некритично [6;36].

Аналізуючи асоціальну парадигму, зауважимо, що в даній концепції соціальне є зовнішнім, “об'єктом боротьби” чужим щодо Я, на відміну від пансоціальної, де соціальне є, як вже зазначалося, зовнішнім (невіддільним від Я).

Отже такі специфічні зміни в соціальній системі звичайно потребують серйозних адаптивних змін у структурі особистості, і насамперед розвинення індивідуальних якостей та включення особистісних

захисних механізмів за дії фрустраторів, основними параметрами яких є блокада цілеспрямованої діяльності або негативного впливу на Я-концепцію особистості, зокрема на її самоповагу і самооцінку.

А як відомо, процес адаптації має два наслідки: адаптація шляхом перетворення і фактичного анулювання проблемної ситуації та адаптація зі збереженням ситуації (яка, в принципі, набуває ознак пристосування і є, переважно, аутопластичною).

Теоретично та емпірично в сучасних умовах переважає другий спосіб адаптації, тобто, по суті, хронічна фрустрованість, що призводить до зниження рівня самоповаги, послаблення почуття особистої компетентності (це явище, зокрема, досліджували І.Дженіс, Р.Хелмрейх та Р.Редлоф).

Наслідками цих негативних явищ завжди будуть велика залежність, посилення переконуваності, погіршення виконання діяльності, зростання девіантної поведінки [4;121].

Зрозуміло, що дослідження психічного стану повинно здійснюватись через аналіз ієрархічної структури суспільства, враховуючи, що специфічними за вищевказаних умов є і механізми захисту. Насамперед це хаотичне прагнення ідентифікації, яке часто не реалізується, або особистість інтроекує як на культурному, так і на особистісному, професійному та інших рівнях протилежні їй об'єкти або властивості тих, які вона психічно ще не готова сприйняти.

Досить небезпечне явище спостерігається стосовно ідентифікації в еталонних групах з огляду на ціннісну переорієнтацію, яка часто призводить до світоглядної кризи. Також розповсюдження набуло явище антисублімації, під час якого фруструються вищі форми активності особистості, внаслідок чого вона переходить до більш примітивних форм самовираження (пошук почуттєвих насолод тощо) [4;176]. За такого негативного процесу особистість зупиняється у розвитку і деградує: "агресивні імпульси поширюються перш за все там, де наявний екзистенціальний вакуум. Що є правильним стосовно злочинності і сексуальності: саме в екзистенціальному вакуумі набирає силу сексуальне лібідо. Ця гіпертрофія в умовах вакууму підвищує здатність до невротичних сексуальних реакцій" [7;33] та антисублімації вищих форм самореалізації взагалі.

Указані механізми є переважно захисними, використовуваними найчастіше за життєво складних обставин, проте для підтримки їх функціонування потрібними є регулярні витрати психічної енергії особистості. Потенціал, який витрачається на підтримання захисту, вже не може бути використаний людиною на конструктивні види діяльності, що послаблює її особистісний потенціал і спричинює об-

меженість власної Я-концепції. У результаті чого починає домінувати захисна поведінка, що зменшує адаптивну здатність до умов реальності, які змінюються. Особливо це явище набуває сили, коли захисний механізм не спрацьовує і як наслідок – глибока фрустрованість індивіда, серйозний внутрішній конфлікт, спричинений зовнішніми факторами.

За яких же саме умов у загальному “депресивному стані” і “серед подальшої невротизації соціуму” [10;87] процес адаптації відбувається успішно і гармонійно? Насамперед, у нестабільних соціальних системах, головною ознакою яких є зруйнування ціннісно-нормативних підвалин, вирішальну роль відіграє афективний, когнітивний і моральний потенціал індивідуальних особливостей свідомості і поведінки людей [2;14].

Більшість дослідників, зокрема Р.Хелмрейх і Р. Рендлоф, мають за висновок те, що у складних умовах діяльності високу самооцінку і почуття компетентності зберігають ті люди, які, окрім очікуваної зовнішньої винагороди, здатні створювати внутрішнє почуття винагороди і досягнення успіхів під час своєї діяльності.

Отже за наявності потужної внутрішньої мотивації людина легше зберігає високу самоповагу і здатність до адаптації. Наявність сильної внутрішньої мотивації є умовою толерантності до фрустрацій. Тобто йдеться про високу регуляцію – підключення безпосередньо не значущої, але обов’язкової для виконання дії до смислової сфери особистості, перетворення заданої дії в особисте, з’єднання потрібної поведінки з моральними мотивами і цінностями. У даних умовах – довільне змінення спонукання через зміну сенсу дії.

Таким чином, у висвітленому спектрі процесу адаптації, її передумов і перебігу, а також способів функціонування психічної здатності до адаптації, одним з головних чинників позитивного розв’язання адаптаційного феномена є вольова дія, за якої особистість здатна створювати додаткове спонукання до дії шляхом перетворення її сенсу.

Література:

1. Милославова И.А. Адаптация как социально-психологическое явление // Социальная психология и философия: Сб. научн. трудов.-1973.-Вып.2.
2. Паніна Н.В. Спосіб життя і психологічний стан населення за умов переходу від тоталітаризму до демократії: Автореф. дис. на здобуття вченого ступеня доктора соц. наук. – К.,1993.
3. Донченко О. Концепція соціальної психіки суспільства // Філософська і соціологічна думка. – К.,1994. – №3-4.

4. Налчаджян А.А. Социально-психологическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). – Ереван, 1988.
5. Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1989.
6. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностей регуляции деятельности // Вестн. Моск. университета. – Сер.14. – Психология, 1996. – №1.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990.
8. Вільчинська С. П.Юркевич і З.Фрейд про несвідоме (спроба порівняльного аналізу) // Філософ. і соціол. думка, К., 1996. – №3-4.
9. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. – М., 1997.

А.П. Крупский

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Методами факторного аналізу виявлених зв'язок між темпераментом і характеристиками мнемічної діяльності індивідуума по запам'ятання та відтворенню цифрової інформації.

Если в психологическом эксперименте объекты исчисляются сотнями или тысячами а переменные десятками, для получения нужной информации необходимо использовать методы многомерного статистического анализа [1; 2]. Особый интерес для психолога представляет разведочный статистический анализ [2], с использованием методов факторного анализа, в нем можно выделить метод главных компонент, метод главных осей, центроидный метод, MINRES, в зависимости от матрице данных.

В работе проанализированы результаты тестирования 260 студентов технических специальностей, в возрасте от 18 до 22 лет. Исследование, проходило следующим образом.

Определялся темперамент испытуемого с помощью тест-опросника "Личностная методика Г. Айзенка (EPI – 57 вопросов)", который позволяет оценить две шкалы: 1) экстраверсию – интроверсию; 2) нейротизм. Было выделено четыре группы: холерики (76 человек), сангвиники (60 человек), флегматики (59 человек) и меланхолики (65 человек).

Испытуемому давалась инструкция: "На экране монитора будет предъявлена цепочка символов, составленная из двух цифр. Вам необходимо запомнить предложенную последовательность цифр. Как только Вы решите, что информацию запомнили, Вам необходимо нажать клавишу "ПРОБЕЛ" и воспроизвести символы, нажимая соответствующие клавиши на клавиатуре. После чего Вам будет предложена для запоминания следующая последовательность цифр".

Каждому испытуемому для запоминания трижды предъявлялись стимульные цепочки (СЦ) длиной 3, 5, 7, 9 и 11 символов содержащие "0" и "1". Данные символы были выбраны из соображений снижения эмоциональной окраски стимульного материала. Вероятность появления в СЦ "0" или "1", обеспечивалась генератором случайных чисел и равнялась 0,5. В эксперименте фиксировались время запоминания СЦ, количество ошибок и место возникновения ошибок в СЦ, которая была условно поделена на три равновеликие части — начало, середину и конец.

В матрицу данных соответственно вошли: x_1, x_2, x_3 — ошибки в начале, середине и конце стимульной цепочки; x_4, x_5, x_6, x_7, x_8 — ошибки при воспроизведении стимульной цепочки длиной 3, 5, 7, 9, 11 знаков; x_9 — суммарное время выполнения задания; $x_{10}, x_{11}, x_{12}, x_{13}, x_{14}$ — время запоминания стимульной цепочки длиной 3, 5, 7, 9, 11 знаков.

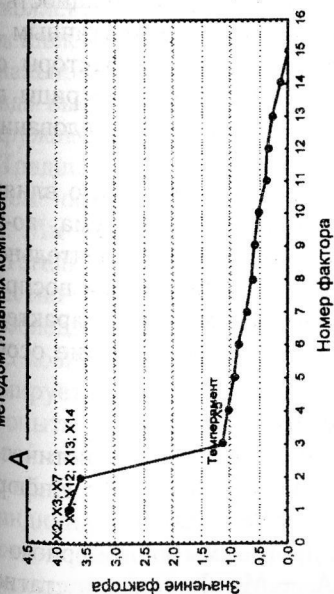
Применение факторного анализа для сжатия этого четырнадцатимерного пространства позволяет объяснить с помощью выделенных факторов не менее 60 % дисперсии изменчивости переменных. При проведении классификации в рассматриваемой матрице данных происходит неизбежное искажение соотношений между величинами. Графическое представление факторного анализа методами "главных компонент" и "главных осей", с варимаксным вращением матрицы, представлены на рис. 1.

Использование в качестве метода выделения факторов "метод главных компонент" позволило выделить два общих и два характерных фактора (рис. 1А), описывающие 65 % переменных входящих в корреляционную матрицу. Вес первых двух факторов в полную дисперсию матрицы данных значительно превышает единицу, поэтому в дальнейшем можно отказаться от рассмотрения факторов с номерами больше четвертого и оперировать только теми данными, которые входят в эти два фактора [3].

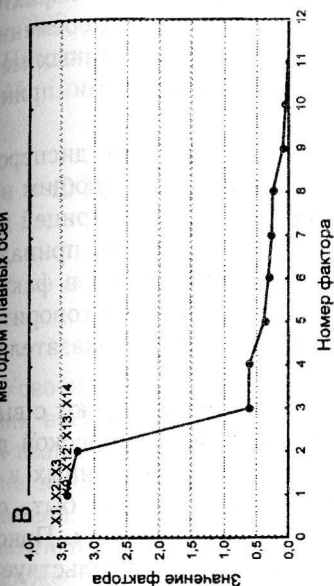
Использование метода "главных осей" позволило выделить два значимых для дальнейшего рассмотрения общих фактора, описывающих 60% дисперсий переменных (рис. 1В).

Как в методе "главных компонент", так и в "главных осей" (с различной степенью наполнения) фактор-1 был сформирован за счет значений корреляционной матрицы относящихся к данным, полученным в результате фиксирования количества ошибок, допущенных при запоминании стимульной информации (данные принадлежат порядковой шкале). Фактор-2 составлен из данных, описывающих временные характеристики оперативной памяти человека (интервалы

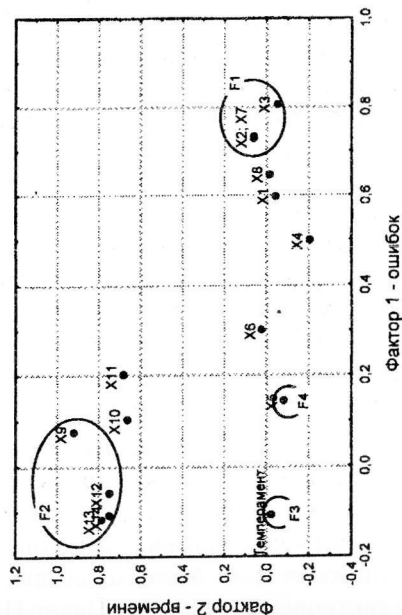
Веса факторов выделенные
методом главных компонент

Веса факторов выделенные
методом главных осей

Факторное отображение

Факторное отображение

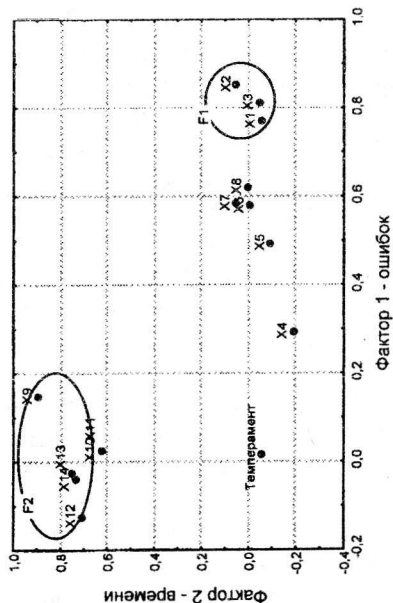

Рис. 1 – Результаты факторного анализа по 15 показателям

ная шкала). Однако метод “главных компонент” третьим характерным фактором выделил фактор, представленный одной переменной — темпераментом (номинальная шкала). Оба использованных метода факторного анализа позволяют работать с переменными, принадлежащими различным шкалам [3].

Метод “главных осей” выделяет факторы, величины дисперсий которых пропорциональны длине главных осей, с последующим нормированием, а метод “главных компонент” работает с матрицей данных, используя оценки общности. Опираясь на данные, принадлежащими различным шкалам, метод “главных компонент” в факторное пространство помещает темперамент, что позволяет говорить о существующей взаимосвязи между темпераментом и показателями оперативной памяти.

Фактор 1-ошибок и фактор 2-времени в целом совпадают с выделяемыми в литературе основными показателями мнемической деятельности индивидуума. Выявленное сочетание качественных и количественных характеристик оперативной памяти может быть связано с особенностью механизмов психического отражения. Присутствие темперамента в факторном пространстве свидетельствует о наличии математически достоверной связи между темпераментом и зафиксированными факторами мнемической деятельности.

Малый вклад выделенных факторов в суммарную общность переменных корреляционной матрицы нельзя считать критичным для представленного разведочного анализа. Полученные факторы служат, с одной стороны, для сокращения размерности матрицы данных, с другой стороны, — для оценки направлений исследований в области психологии памяти.

Выделенные факторы позволяют говорить: во-первых, о влиянии темперамента на мнемическую деятельность индивидуума; во-вторых, о возможности создания модели, описывающей эту деятельность и содержащей в себе в качестве переменных ошибки при воспроизведении запомненной информации, время запоминания характеристики оперативной памяти и индивидуально типологические особенности нервной системы.

Список литературы:

1. Боровиков В. П., Боровиков В. П. *Statistica*® — Статистический анализ и обработка данных в среде *Windows*®. — М.: Информационно-издательский дом “Филинь”, 1998. — 608 с.
2. Евнюков И. С. Методы, алгоритмы, программы многомерного статистического анализа: Пакет ППСА. — М.: Финансы и статистика, 1986. — 232 с.

3. Иберла К. Факторный анализ: Пер. с нем. — М.: Статистика, 1980. — 398 с.
4. Патрик Э. А. Основы теории распознавания образов: Пер. с англ. — М.: Сов. радио, 1980. — 408 с.

А.Н.Лактионов

О МЕЖПЕРСОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА

У статті наведені результати дослідження міжперсонального простору соціального досвіду, який забезпечує процес, характер, оцінку та регулювання спілкування з іншими, соціальний обмін та орієнтацію у соціумі.

Усвоение общественного опыта индивидом происходит на протяжении всей его жизни. Основным средством такого усвоения является взаимодействие с другими людьми. Роль социального в становлении этих взаимоотношений в сжатой форме определил С.Л.Рубинштейн: "Каждое "Я", поскольку оно есть и всеобщность "Я", есть коллективный субъект, содружество субъектов, "республика субъектов", "содружество личностей"; это "Я" есть на самом деле "Мы" [4, с.334].

Здесь можно было бы ограничиться общим термином "общество", не определяя сколько-нибудь его границ (нация, общественная группа, коллектив, первичная группа). Однако, в рамках такого "общего представления" остается неясной роль индивида в формировании такой социальной составляющей индивидуального опыта, которая для индивида выступает в качестве личного инструмента взаимодействий с окружающими.

Традиционные попытки обнаружить "коллективное в индивидуальном" оставляют нас в рамках представлений, идущих еще от Гегеля. Мы согласны с К.Поппером, который специально подчеркивает: "Гегель и гегельяны были коллективистами. Они утверждают, что общество — это все, а индивид — ничто. Другими словами, все ценное, чем обладает индивид, наследуется им от коллектива" [3, с.261].

С позиций же субъектности опыта ситуация существенно трансформируется. Прежде всего возникает вопрос о том, что является для опыта конкретного индивида его социальной средой. Индивидуальный социальный опыт складывается из взаимодействия человека не с обществом вообще, а, в первую очередь, с другими конкретными индивидами: хорошими или плохими, в прошлом или настоящем его жизненного пути. Формируя социальный опыт, индивид прежде всего структурирует социальную среду в понятных ему координатах субъективного пространства и времени. Несомненно, основным ис-

точником формирования субъективного социального опыта является первичная группа, которую Ч.Кули определяет следующим образом: "Под первичными группами я подразумеваю группы, характеризующиеся тесными, непосредственными связями (associations) и сотрудничеством. Они первичны в нескольких смыслах, но главным образом из-за того, что являются фундаментом для формирования социальной природы и идеалов индивида" [2, с.330]. Признавая, что первичные группы лежат в основании социального опыта, в то же время будем считать, что они составляют лишь часть механизма его формирования. Последнее поясняется двумя обстоятельствами.

Во-первых, человеческий опыт как принадлежащий жизнедеятельности обладает параметром континуальности, поэтому его полное описание предполагает обязательную временную развертку в масштабе: прошлое – настоящее – будущее. В таком контексте вернее будет говорить об отражении в социальном опыте накопленной совокупности первичных групп, где, например, имевшие место ранее первичные группы (раннее детство, школа и т.д.) посредством фиксации в опыте продолжают оказывать влияние на настоящее и планируемое поведение индивида.

Во-вторых, часто в аспекте социо-логического анализа недооценивается тот очевидный факт, что и в "настоящем" индивид является соучастником не одной, а нескольких первичных групп. "Первичные группы первичны в том смысле, что они дают индивиду самый ранний и наиболее полный опыт социального единства", – говорит Ч.Кули [Там же, с.332]. В социологическом смысле первичная группа "заключает в себе тот тип сопереживания и взаимного отождествления, для которого "мы" является естественным выражением" [Там же, с.330]. Ясно, что совокупность различающихся нормативно и ценностно групп (семья, работа, увлечения и т.п.) порождает такую же совокупность "мы", которую индивиду необходимо каким-то способом интегрировать. Последнее условие является важнейшим для понимания природы социального опыта. Не выходя за рамки социологического анализа можно было бы обсуждать важные проблемы единого социального поля, интеракций, конфликтности межгруппового взаимодействия и другие, когда самодостаточным является понятие первичной группы.

С точки зрения субъекта социального опыта ситуация выглядит иначе. Появляется единый и иной, чем первичная группа как таковая, источник формирования социального опыта – жизнедеятельность индивида, в универсалиях которой первичная группа становится частным способом формирования опыта. Для субъекта жизнедеятельно-

ти сущность первичной группы определяется не в виде "что это?", а в качестве "зачем это?" (первичная-для-меня-группа). Теперь любой факт взаимодействия с другими приобретает меру субъективной ценности и становится достоянием социального опыта как то, что может способствовать достижению полезного результата в жизнедеятельности.

Благодаря этому любое социальное событие, взаимодействие с каждым другим может быть интегрировано в состав социального опыта индивида, а для внешнего наблюдателя становится объективно измеряемой величиной.

Как отмечает социолог П.М.Блау: "Численность группы или общества часто игнорируется или рассматривается как не представляющая теоретического интереса. Напротив, с нашей точки зрения, численность — это очень важная теоретическая категория в структурной социологии, так как она является общим эмерджентным свойством всех социальных групп" [1, с.21].

Может показаться, что такая "арифметизация" пространства социального опыта уводит нас от его содержательного анализа. Однако, как нам представляется, то или иное количество действующих лиц (акторов), входящих в социальное пространство индивида неизбежно становится качественной характеристикой его социального опыта.

Эмерджентность как превращение "социального количества" в "социальное качество" является одним из способов формирования социальной составляющей индивидуального опыта. В ходе жизнедеятельности индивид постоянно вступает во взаимодействие с другими носителями социума, в результате чего происходит отбор, фиксация и последующая интеграция наиболее существенных для индивида связей. Совокупность таких связей выступает как целое хотя бы потому, что у индивида появляется возможность иметь собственную точку зрения на социальное событие и процессы, производить оценку и селекцию новых контактов с окружающими его людьми, определять свое место, статус, перспективы в изменчивом социуме, т.е. возникает некоторая фиксированная форма взаимоотношений индивида с обществом.

В результате таких трансформаций коллективное обнаруживает свою превращенную форму в **межперсональном**. Последнее становится собственностью индивидуального опыта, поэтому мы говорим о межперсональном пространстве социального опыта индивида.

Межперсональное пространство (МПП) социального опыта имеет собственную топологию и время. Основной поддающейся фиксации единицей МПП будем считать признаваемый индивидом факт персонифицированного взаимодействия (ПВ) индивида с кем-либо.

Каждая персонифицированная единица МПП для индивида есть не что иное, как реальный человек, с которым он когда-либо взаимодействовал, и который с достаточной вероятностью может включить данного индивида в собственное МПП. Такое строго не фиксированное, вероятностное определение единицы МПП является неизбежным при попытке измерения социального продукта жизнедеятельности в масштабе жизненного пути. Главное, что здесь фиксируется с помощью ПВ – факт взаимного действия, причем не ситуативного, а персонального уровня. Совокупность отдельных ПВ составляет объем межперсонального пространства индивида – их соотношение описывается формулой:

$$\sum_{(ПВ)} = V_{(МПП)}$$

Отношение индивида к каждой единице ПВ (человеку) определяют топологию и время МПП. Топологию межперсонального пространства определяют характеристики ценности для индивида каждого другого, а также вид распределения этих ценностей. Кроме того каждый другой имеет свою метку на оси времени жизни индивида в координатах прошлого, настоящего и будущего. Таким образом, каждый человек с точки зрения индивида может быть оценен и оценивается по трем параметрам: входит ли он в МПП как тот, с кем индивид, по его признанию, когда-либо взаимодействовал, какую ценность данный человек для него представляет и на каком отрезке психографического времени индивида он представлен.

МПП обладает качеством гомогенности – является составляющей социального опыта каждого индивида.

Психологический смысл МПП состоит в возможности неоднократного обращения субъекта к другим людям, причем, в реальном либо идеальном (в форме представления, воображения, воспоминания, реминисценции) виде. Такое обращение необходимо субъекту как возможность верификации и обогащения других составных частей социального опыта (стереотипы, уникальное, аттитюды, мнения и т.д.).

Мы обрисовали теоретическую модель межперсонального пространства социального опыта, образуемого совокупностью персонифицированных взаимодействий. МПП структурировано параметрами объема, ценности и времени существования.

Была поставлена экспериментальная задача: определить каковы количественные характеристики персонифицированного пространства, сколько людей входит в пространство опыта на разных возрастных этапах жизненного пути, каковы их ценностные различия, каков характер их распределения на субъективной временной оси.

Для решения поставленной задачи была разработана методика “Межперсональное пространство”.

Испытуемому необходимо было на большом листе бумаги с нанесенными концентрическими окружностями записать максимально возможное количество людей, с которыми он когда-либо был знаком, каким-то образом взаимодействовал. Критерием “знакомости” служило знание имени (фамилии) этого человека, а также достаточная вероятность того, что в аналогичной ситуации выполнения задания тот человек так же мог вспомнить испытуемого. (Фактически речь шла не об установлении вероятности встречного воспоминания, а о том, чтобы исключить персонажей без обратной связи – например, “я знаю, кто такой Михаил Жванецкий, но из этого не следует, что он знает меня...”) Имена сразу нужно было разносить по кругам, удаляя их от центра в соответствии с оценкой важности данного человека в жизни испытуемого.

По окончании записи испытуемому предлагалось маркерами трех различных цветов обозначить присутствие каждого участника ПВ в своем прошлом, настоящем и будущем.

Инструкция для взрослых не предполагала разъяснений понятия “прошлое”. Испытуемые каждый раз сами определяли границу между “прошлым” и “настоящим”. Граница была подвижной в зависимости от содержания установленных взаимоотношений (родители, родственники, друзья, одноклассники, сокурсники, коллеги и т.п.). Однако всякий раз граница, отделяющая субъективное прошлое от настоящего означала какой-либо качественный поворот в биографии испытуемого.

В отношении будущего критерием служило указание: “Кого бы Вы взяли с собой в будущее”. Последнее соответствует тому, что системообразующим фактором организации индивидуального опыта является его ориентация на оптимизацию жизнедеятельности в будущем.

Избранный нами графический вариант ответов в наибольшей степени представлял собой проекцию идеального МПП. Испытуемый как бы “рисовал” свою социальную биографию, не испытывая трудностей по поводу шкалирования информации по параметрам ее субъективной ценности и места на оси времени.

Эксперимент проводился в максимально широком возрастном диапазоне в соответствии с нашими представлениями о том, что персонифицированное социальное пространство с возрастом не остается неизменным. Как и любой другой структурный элемент индивидуального опыта, оно содержит в себе процессы интеграции и реинтеграции, эволюции и инволюции взаимоотношений индивида с социумом.

При проведении экспериментов с дошкольниками (3 – 5,5 лет) и младшими школьниками (6,5 – 7,5 лет) протокол вел сам экспери-

ментатор, эксперимент проходил в форме беседы. То же самое использовалось с испытуемыми старшего возраста (65 – 78 лет).

Можно выдвинуть несколько независимых гипотез об изменении объема МПП в зависимости от возраста.

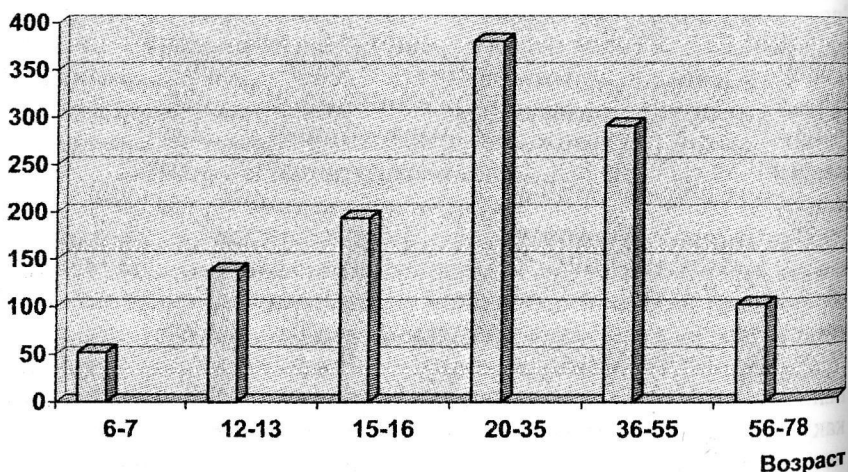
1. В течение жизни число людей, вошедших в пространство социального взаимодействия постоянно увеличивается, следовательно можно предположить монотонный рост объема МПП;

2. Ограничение роста объема МПП и его снижение связано с возрастными характеристиками памяти, следовательно кривые возрастных изменений памяти и МПП будут повторять друг друга;

3. Взаимоотношения жизнедеятельности и социального опыта синхронизированы во все периоды жизни, следовательно динамика изменения объемов МПП определена фазами и характером жизнедеятельности индивида.

В реальности картина оказалась следующей (см. рис.).

Объем МПП

Возрастная динамика изменений объема МПП

Как видно из рисунка, количество людей, которых испытуемые включают в свое межперсональное пространство, увеличивается до определенного максимума в молодом возрасте – периоде наибольшей социальной активности индивида, а затем постепенно начинает уменьшаться в среднем и особенно в старшем возрасте. Таким образом, объем МПП не зависит линейно от возраста, не соответствует возрастной динамике памяти; его характеристики определены прежде всего уровнем социальной активности индивида (Гипотеза 3).

Что же представляет собою МПП социального опыта взрослого человека (20 – 55 лет), ведущего активную жизнь, поддерживающего необходимый уровень социальной активности. (Анализ детского и старшего возраста представим ниже).

Оказалось, что в среднем “человеческое” пространство социального опыта взрослого индивида в названном диапазоне колеблется от 160 до 470 персонажей.

На шкале ценностей входящие в МПП индивиды в порядке убывания веса распределились следующим образом:

1. Люди, ценность которых для испытуемого определена уровнем жизненных смыслов (родные, близкие, “интимно-личностные”, желаемые в будущем) – 5,8% (в среднем не более 15-20 человек).
2. Люди, образующие референтную группу, значимость которых для испытуемого им осознается и высоко оценивается – 16,0% (в среднем 45-55 человек).
3. Люди, находящиеся в круге “реальных взаимодействий” в прошлом или настоящем и по мнению испытуемого, оказывающие влияние на ход его жизни – 56,3% (в среднем 160-180 человек).

Интересно, однако, что почти половина из вошедших в МПП не оценивается как сколько-нибудь важная для испытуемого в настоящее время и в прошлом.

Мера ценностного отношения к тем, кто входит в МПП оказалась связана с координатой времени.

Наибольший субъективный вес получают те люди, с которыми субъект взаимодействует в “настоящем” и которые одновременно являются ближайшим окружением испытуемого. Та же закономерность прослеживается и в отношении людей “желаемых в будущем”. Другими словами, вес становится высоким, если взаимодействие соответствует актуальным интересам либо будущим намерениям индивида. Для людей из “прошлого” ситуация иная. Люди, отношения с которыми осуществлялись в прошлом, уходят все дальше, с течением времени теряют вес в субъективном социальном пространстве индивида, и содержатся в биографической памяти. Происходит переход или перевод информации из социальной в мнемическую сферу опыта.

Результаты показывают, что МПП является не только структурной, но и динамической характеристикой социального опыта. Факты межличностных взаимодействий интегрируются, но не кумулируются в течение жизни индивида. МПП как бы перемещается по оси времени, концентрируясь слева и справа вокруг метки “настоящего”, откуда каждая единица ПФ имеет свое “собственное время жизни” в данном МПП. Наверняка, всякий человек заинтересовался бы тем,

какое место он занимал либо продолжает занимать в МПП встреченных на его жизненном пути других. Но это уже аспект личной и социальной ответственности нашего вхождения в МПП окружающих нас людей.

На психографической шкале “прошлое – настоящее – будущее” входящие в межперсональное пространство люди распределены следующим образом:

1. Люди только “в прошлом”, занесенные в биографическую память – 44,4% (в среднем 130-150 чел.);
2. Люди только “в настоящем” – 32,5% (в среднем 90-110 чел.);
3. Люди, пронизывающие “прошлое” и “настоящее” – 24,1% (в среднем 70-80 чел.). Благодаря им обеспечивается преемственность для индивида собственного социального опыта, создаются условия его интеграции.
4. Люди, желаемые “в будущем”, олицетворяющие ценностные ориентации, ожидания – 22,0% (в среднем 60-70 чел.). В этом случае кандидатуры выбирались как из “настоящего”, так и из “прошлого”. Обращает на себя внимание и тот факт, что только один из пяти, входящих в МПП, ценностно соотносится с будущим субъекта. Обычно в список “для будущего” входят представители первого уровня ценности (родственники), чего нельзя сказать о представителях референтной группы. Отметим, что испытуемые вполне различали характеристики “важный для меня сейчас” и “взять с собой в будущее”. Кандидатуры “для будущего” обычно распределяются относительно независимо от ценностной и временной координат.

Изучение процесса формирования межперсонального пространства можно существенно дополнить, проанализировав его становление в детском и инволюцию в старшем возрасте.

В эксперименте были получены следующие результаты. Средний объем МПП: а) для детей среднего дошкольного возраста составил 21; б) для детей старшего дошкольного возраста – 55,6. Обнаружилось, что МПП при переходе от среднего дошкольного к старшему дошкольному возрасту увеличивается в 2,4 раза, тогда как далее при переходе от старшего дошкольного к младшему школьному возрасту (51,2) практически не изменяется.

Качественные различия между старшими дошкольниками и младшими школьниками проявились в феномене привнесения ребенком старшего дошкольного возраста в свое межперсональное пространство вымышленных персонажей (героев сказок, мультфильмов и т.д.). Ребенок “больше доверяет продуктам своего воображения и меньше

их контролирует" (Выготский), поскольку деятельность детского воображения относительно самостоятельна от деятельности других высших психических функций.

У более младших детей указанный феномен еще не наблюдается, так как здесь воображение только начинает формироваться. В младшем школьном возрасте мы также не наблюдаем привнесений из вымышленного, но уже потому, что уже имеет место сознательный контроль функции воображения, деятельность воображения становится зависимой от деятельности мышления.

Обнаружилось, что в младшем школьном возрасте дети по-своему оперируют понятиями "прошлое — настоящее — будущее". Из прошлого дети называют только умерших, тогда как тех, с кем в настоящее время уже не взаимодействуют, не встречаются (группа бывшего детского сада, воспитатели, бывшие одноклассники и т.д.) к прошлому не относят. Это связано с тем, что дети младшего школьного возраста не имеют еще развернутого прошлого, развитой биографической памяти. Их социальный опыт источником и способом реализации имеет "настоящее". Точно так же не развернуто у детей "будущее". Поэтому на вопрос о будущем дети, как правило, говорят, что возьмут туда всех. Поэтому фактически в младшем школьном возрасте измеряется актуальное социальное пространство.

Из всего сказанного следует более важный вывод о том, что вплоть до младшего школьного возраста социальный, личностный и мнемический аспекты опыта еще не сформированы как самостоятельные подструктуры, легко и динамично переходят друг в друга. Индивидуальный опыт ребенка строго говоря еще не является превращенной формой жизнедеятельности, ее регулирующим и стабилизирующим фактором. Да в этом и нет нужды. Наиболее целесообразным, экологическим валидным для опыта является не противоречие, а идентификация с жизнедеятельностью. Накопление опыта идет посредством усвоения по образцам.

Новое увеличение МПП в среднем школьном возрасте в 2.5 раза по сравнению с младшими школьниками происходит за счет известного расширения круга сверстников — партнеров по общению, а также за счет появления значимых взрослых — образцов для подражания с целью развития чувства "взрослости". Отношение к прошлому и будущему можно считать вполне сформированным. Есть много оснований считать, что в среднем школьном возрасте как раз социальная подструктура опыта развивается наиболее динамично и ею в наибольшей мере определяется формирование индивидуального опыта в целом.

Испытуемые старшего возраста (65 и более лет) показывают постепенное и даже резкое сужение межперсонального пространства (средний объем МПП – менее 50 человек), что связано, с одной стороны, с вполне понятным уплощением “будущего” и обеднением удаляющегося “прошлого”. (При этом все испытуемые демонстрируют необходимую социальность в настоящем, способность к необходимой работе по дому, самообслуживанию, сохранную долговременную память и т.д.).

Свертывание социального пространства обусловлено прежде всего снижением социальной активности, что влечет за собой уплощение мотивационной и деградацию когнитивной сфер. Т.М.Титаренко отмечает: “Воображение старых людей на фоне уходящего времени становится повторяющимся, частично пропадает, а с ним угасает и интерес, заменяясь удовлетворенностью привычки” [5, с.321].

Напрашивается предположение, что социальный опыт, накопленный в течение жизни, тогда является действенным, если подвержен обновлению, реконструкции, ориентирован на будущее. Именно эти характеристики опыта инволюционируют в старшем возрасте.

Как было определено ранее, системообразующим фактором индивидуального, в том числе и социального, опыта является его ориентация на будущий результат жизнедеятельности индивида. В любом возрасте векторы объективного и субъективного времени можно считать совпадающими в связи с необратимостью времени вообще. Скалярная же величина вектора субъективного времени с течением жизни, увы, уменьшается, хотя и испытывает при этом значительные индивидуальные колебания. Ориентация на будущее в молодом возрасте является решающим аргументом для преодоления дефицита социального опыта, расширения межперсонального пространства актуализации личности. Свертка ориентации на будущее в старшем возрасте приводит к консервации социального опыта в пределах объема МПП, необходимого для данного периода жизни, к тому же, как правило, в условиях разрыва существенных связей с молодым поколением, утраты партнеров по общению своего возрастного уровня, психофизиологией возраста и т.д.

Описанная картина “жизненного пути” хоть и закономерна, но имеет слишком много исключений в реальности. Ориентация на будущее и в молодом и в старшем возрасте является прежде всего ценностной ориентацией. Последнее труднее всего поддается структурированию. Особенно наглядно это проявилось в случае старшего возраста. Используемый в нашем исследовании полезный способ измерения совокупности социальных взаимодействий одновременно

обнаружил свою ограниченность. Объем межперсонального пространства оказался нечувствительным к тому феномену старшего возраста, когда в результате смены ценностных ориентаций пространство социальных связей из межперсонального превращается в своего рода **метаперсональное**. Как известно, первичное ощущение такого суперпространства возникает в раннем возрасте (я смертен?), вторая попытка выхода на уровень метаперсонального наблюдается в юношеском возрасте (я универсум?). Поэтому именно на уровне смыслов жизни, а не способов жизнедеятельности, происходит (может произойти) ценностное обновление социального опыта, постоянно воспроизводится неуничтожимая связь поколений, наполняя содержанием метаперсональное пространство опыта в старшем возрасте. Отталкиваясь от феномена инволюции МПП за счет ослабления социальных связей мы приходим к более широким выводам о том, что межперсональное пространство является не только стабилизирующей характеристикой социального опыта, но и динамичной, выступающей в функции регуляции жизнедеятельности. Когда перед субъектом возникает некоторая задача, затрагивающая мотивационно-ценностный уровень его жизнедеятельности, соответственно ей тотчас меняется конкретный состав МПП, что подчеркивает внутреннее единство, целостность ПВ на всем континууме его жизненного пути.

Литература:

1. Блау П.М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль: Пер. с англ. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — С.8-30.
2. Кули Ч. Первичные группы // Американская социологическая мысль: Тексты. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — С.330-334.
3. Поппер К. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы // Открытое общество и его враги: Пер. с англ.: В 2 т. — М.: Феникс, Международный Фонд "Культурная инициатива", 1992. — Т.2. — 528с.
4. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. — М., 1973. — С.253-381.
5. Титаренко Т.М. Життєвий шлях // Основи психології / Киричук О.В., Роменець В.А., Татенко В.О. та ін. — К.: Либідь, 1995. — С.307-330.